Гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный.

Конецъ XVI в. и начало XVII—чрезвычайно интересное время въ исторіи Польши: въ это время наиболѣе ярко обнаружились тѣ общественные недуги ея, отъ которыхъ она всегда страдала и которые окончательно сгубили ее.

Причины этой гибели—тотъ политическій строй, которымъ управлялись Польша, а также и тѣ лица, которыя двигали въ это время государственнымъ механизмомъ ея.

Высшимъ органомъ управленія въ Польшѣ были такъ называемые государственные сеймы, собиравшіеся время отъ времени въ польской столицѣ и пользовавшіеся верховною властью въ законодательствѣ, судѣ, администраціи, народномъ образованіи и народной нравственности. Въ этихъ сеймахъ участвовали представители отъ всѣхъ воеводствъ, сколько ихъ было въ королевствѣ, съ неограниченной никѣмъ и ничѣмъ свободой голоса. Но кромѣ сеймовъ такою неограниченною властью пользовались въ Польшѣ польскіе и литовскіе коронные сановники, особенно канцлеры, гетманы, подскарбіи и др., которые выбирались на свои должности на всю жизнь и не могли быть никѣмъ смѣняемы. Кромѣ сановныхъ лицъ такою же точно властью пользовались на сеймахъ и простые шляхтичи, которые имѣли право отказать въ повиновеніи самому королю, если находили его требованія, по ихъ мнѣнію, несоотвѣтствующими пользѣ государства, могли сорвать весь сеймъ однимъ словомъ „niepazwalam".

Всѣ дѣла на этихъ сеймахъ рѣшались не большинствомъ голосовъ, какъ это дѣлалось и дѣлается въ такихъ случаяхъ въ цѣломъ мірѣ, а голосомъ меньшинства, голосомъ нѣсколькихъ лицъ, даже одного лица. И такой поря-

докъ назывался золотой свободой въ Польшѣ. Разумѣется, это уже была не свобода, а полный произволъ, отъ котораго страдали и всѣ обще-государственныя дѣла въ государствѣ и частные интересы отдѣльныхъ лицъ.

Самъ король въ Польшѣ имѣлъ менѣе всѣхъ правъ. По законамъ страны онъ отвѣчалъ за все, что происходило въ государствѣ; онъ устраивалъ всѣ дѣла; покрывалъ всѣ государственные расходы изъ доходовъ коронныхъ имѣній и изъ личнаго имущества своего и только въ экстренныхъ случаяхъ могъ требовать отъ сейма установленія налоговъ на гражданъ. Ни законодательной, ни административной, ни военной власти король также въ Польшѣ не имѣлъ. Въ его рукахъ была только исполнительная власть; но даже и тутъ онъ былъ ограниченъ со стороны всевластныхъ сеймовъ, сеймиковъ, или же магнатовъ, даже простыхъ шляхтичей польскихъ. Однимъ словомъ, польскій король имѣлъ у себя меньше значенія, нежели у насъ имѣетъ какой-нибудь средней руки чиновникъ департамента, или даже отдѣльнаго стола.

Польскій король могъ только награждать, но не могъ наказывать; онъ назначался только для представительства, для внѣшнихъ сношеній Польши съ другими государствами.

И въ этомъ было великое, страшное, неотвратимое зло, которое губило самыя благородныя начинанія въ Польшѣ и которое сокрушало самыхъ честныхъ и благомыслящихъ патріотовъ.

Нельзя сказать, чтобы въ Польшѣ не находились лица, которыя бы не боролись съ такимъ страшнымъ зломъ.

Однимъ изъ такихъ борцовъ былъ въ XVI ст. король Стефанъ Баторій (1575—1586).

Это былъ человѣкъ желѣзной воли, широкихъ взглядовъ, рѣдкой проницательности и безпредѣльной преданности государству.

Стефанъ Баторій составлялъ поразительное явленіе среди поляковъ, въ особенности магнатовъ или можновладовъ, которые были заражены грубымъ матеріализмомъ, жаждой богатства и роскоши, надуты чванствомъ и само-

властіемъ и отличались такимъ пренебреженіемъ къ интересамъ отечества, вслѣдствіе котораго поголовно отказывались отъ платежа податей на пользу государства.

Предшественникъ Стефана Баторія король Генрихъ, родомъ французскій принцъ, бѣжалъ изъ Польши, ужаснувшись своего положенія въ такомъ королевствѣ, какова была Польша съ ея сеймами, сеймиками и можновладами.

Но не таковъ былъ Стефанъ Баторій. Онъ выступилъ на борьбу со всѣми нестроеніями въ Польшѣ, какъ и со всѣми ея внѣшними врагами и вездѣ имѣлъ выдающійся успѣхъ. Стефанъ Баторій счастливъ былъ въ войнѣ съ городомъ Гданскомъ, отказавшимся повиноваться Польшѣ, но потомъ, послѣ внезапнаго на него нападенія со стороны Баторія, открывшимъ ей выходъ въ Балтійское море.

Далѣе Стефанъ Баторій имѣлъ полный успѣхъ въ борьбѣ съ заклятымъ врагомъ Польши, московскимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Онъ отнялъ у царя 6 русскихъ городовъ на сѣверо-западной границѣ Россіи. Иванъ Грозный, черезъ римскаго папу Григорія VIII, запросилъ у Стефана Баторія мира, и миръ былъ ему дарованъ въ Запольѣ. При этомъ Стефанъ Баторій удержалъ за собой Полоцкъ и Лифляндію и оттѣснилъ русскаго царя отъ Балтійскаго моря, къ которому онъ такъ страстно хотѣлъ придвинуться.

Далѣе Стефанъ Баторій установилъ мирныя отношенія къ Турціи, въ виду чего казнилъ козацкаго гетмана Ивана Подкову, предпринявшаго походъ на Валахію, подчиненную Турціи.

Внутри польскаго государства Стефанъ Баторій упорядочилъ отношенія правительства къ украинскому козачеству, давъ ему первую оффиціальную санкцію и собравъ его около г. Черкасъ, кіевскаго воеводства.

Въ это же время онъ вызвалъ въ Польшѣ регулярное войско, состоявшее изъ польскаго рыцарства (гусаръ и панцырныхъ товарищей), украинскихъ козаковъ и впервые

польскихъ крестьянъ - ляховъ (рекрутъ); создалъ пѣхоту, конницу и артиллерію, которымъ далъ прекрасное вооруженіе.

При немъ явился рядъ блестящихъ полководцевъ, каковы: Янъ Замойскій, Радзивилъ, Острожскій, Сапѣга, Мелецкій.

Стефанъ Баторій преобразовалъ хаосъ и въ польской церкви, а также коснулся и школы. До него въ Польшѣ господствовало нѣсколько вѣроученій; при немъ большее значеніе пріобрѣтаетъ католичество; являются новыя католическія коллегіи, хотя не запрещаются и лютеранскія.

Народное образованіе при Стефанѣ Баторіи достигаетъ настоящаго апогея. Юношамъ даютъ классическое, философское, юридическое и богословское образованіе. Изъ всѣхъ типовъ школъ король отдавалъ предпочтеніе школамъ католическимъ, потому что въ нихъ учили дѣтей, что королевская власть исходитъ прямо отъ Бога, что самодержавная монархія представляетъ изъ себя наилучшую форму правленія, указанную самимъ св. писаніемъ, и что Польша падаетъ именно вслѣдствіе неуваженія въ ней королевской власти.

Стефанъ Баторій коснулся также и суда и произвелъ въ немъ реформу, устроивъ слѣдующую судебную организацію: сеймовый судъ для дѣлъ уголовныхъ; ассесорскій судъ для дѣлъ имущественныхъ и финансовыхъ; высшій трибуналъ для апеляцій.

Наконецъ Стефанъ Баторій улучшилъ и финансовое дѣло; изъ податей частію были удержаны старыя, частію введены новыя: 1) поголовная дань, съ человѣка за извѣстныя занятія; 2) подоходныя съ доходовъ, смотря по размѣрамъ ихъ; 3) ввозныя и вывозныя.

Нѣсколько хуже дѣло шло съ политическими реформами: попрежнему въ Польшѣ царили произволы сеймовъ и сеймиковъ; попрежнему господствовали своевластія магнатовъ или можновладовъ. Но Баторій и тутъ дѣйствовалъ смѣло: рубилъ головы непокорнымъ магнатамъ, подвергалъ

ихъ строгимъ наказаніямъ, изгонялъ изъ отечества, какъ это видно на примѣрахъ Зборовскаго, Осцика и др.

Дѣятельность Стефана Баторія оцѣняли нѣкоторые изъ истинныхъ патріотовъ и благомыслящихъ людей и вполнѣ сочувствовали ему.

Ближайшимъ сотрудникомъ его былъ великій канцлеръ и великій гетманъ, Янъ Замойскій, вполнѣ понимавшій широкіе планы короля и вѣрно и безкорыстно служившій ему.

Около великаго канцлера группировались: Жолкевскіе, Любомирскіе, Потоцкіе, Калиновскіе, Собѣскіе, Конецпольскіе, Ходкевичи, Радзивилы, Сапѣги, Острожскіе.

Стефанъ Баторій съ рѣдкою настойчивостью проводилъ свои реформы въ Польшѣ и, казалось, произволу польскихъ магнатовъ будетъ нанесенъ окончательный ударъ: сильная королевская власть спасетъ государство отъ неминуемаго паденія.

Но вдругъ 12 декабря, 1586 года, Стефанъ Баторій неожиданно скончался, процарствовавъ всего лишь съ небольшимъ десять лѣтъ. Послѣ него осталась жена его Анна Ягелонка, но не осталось дѣтей.

Что долженъ былъ дѣлать преемникъ Стефана Баторія?

Чтобы спасти Польшу, преемникъ Баторія долженъ былъ продолжать его политику. Но къ сожалѣнію этотъ преемникъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ человѣкъ ничтожный, доведшій Польшу до паденія.

Это былъ Сигизмундъ III, сынъ и наслѣдникъ шведскаго короля Іоанна Вазы и его жены Екатерины Ягелонки, воспитанный матерью въ католичествѣ и говорившій попольски, приходившійся роднымъ племянникомъ вдовы Стефана Баторія, Анны Ягелонки, которая и указала полякамъ на него, какъ на преемника Стефана Баторія.

Впрочемъ нашлись было въ Польшѣ лица, которыя указали на другое лицо, достойное быть преемникомъ Стефана Баторія, австрійскаго эрцгерцога Максимильяна, и провозгласили его польскимъ королемъ. Но противъ Максимильяна былъ самъ великій канцлеръ Янъ Замойскій, ко-

торый выступилъ походомъ противъ эрцгерцога, побѣдилъ его, взялъ въ плѣнъ и заставилъ отречься отъ польскаго престола.

Замойскій стоялъ за Сигизмунда, вѣря тому, что онъ будетъ продолжать дѣло Стефана Баторія и спасетъ Польшу отъ грозившаго ей паденія.

Но какъ же жестоко разочаровался великій канцлеръ, когда впервые увидалъ Сигизмунда III, пріѣхавшаго въ Польшу! Высокаго роста, сухощавый, съ маленькой, русой бородкой, но съ длинными, русыми усами, съ нависшими, такого же цвѣта, бровями, Сигизмундъ одѣтъ былъ въ странную одежду, представлявшую смѣсь шведской, польской и болѣе всего испанской.

На привѣтствіе польскихъ сановниковъ, сказанное ими полатыни, Сигизмундъ ничего не отвѣтилъ имъ, потому что не умѣлъ говорить полатыни и кромѣ того потому, что вообще несклоненъ былъ по характеру ни къ какимъ рѣчамъ.

„Какіе нѣмые черти привезли его къ намъ"! воскликнулъ Замойскій, съ перваго впечатлѣнія оцѣнившій новаго короля. И точно, первое впечатлѣніе Замойскаго оправдалось вполнѣ.

Сигизмундъ былъ человѣкъ подозрительный, упорный, молчаливый, скрытный, надменный, ограниченный, вмѣстѣ съ тѣмъ расточительный, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ и потому предававшійся такимъ бреднямъ, какъ алхимія, занимавшаяся опытами превращенія камней въ золото, или же выпускавшій завѣдомо фальшивыя монеты, и теперь еще извѣстныя у простого южно-русскаго населенія подъ именемъ „рыбьячей луски"!

Но самое главное было то, что Сигизмундъ былъ мрачный и фанатичный католикъ, ничего выше не видѣвшій, кромѣ католичества въ цѣломъ мірѣ и до озвѣренія ненавидѣвшій все не католическое.

„Сигизмундъ до такой степени былъ проникнутъ религіозной ревностью, до такой степени обратилъ всѣ свои

чувства, убѣжденія и силы на дѣло возстановленія католицизма, что могъ сдѣлаться славнѣйшимъ борцомъ церкви, но зато долженъ былъ стать наихудшимъ политикомъ, наихудшимъ стражемъ земного благосостоянія ввѣренныхъ его попеченію государствъ".

Такъ характеризуетъ Сигизмунда III польскій историкъ Бобржинскій [1]).

Мы скажемъ больше. Сигизмундъ III не былъ король, не былъ диктаторъ, не былъ и правитель Польши; онъ былъ монахъ католическаго ордена; и даже не монахъ, а миссіонеръ, преслѣдовавшій одну, только одну цѣль въ жизни—насильственное водвореніе въ Польшѣ и за предѣлами ея католичества. Ради этого онъ принялъ и корону польскую; ради этого онъ не выпускалъ изъ рукъ и корону шведскую; ради этого онъ совершенно забылъ и главнѣйшую задачу польскаго короля—внутреннія реформы въ Польшѣ, отъ которыхъ зависѣла ея дальнѣйшая историческая судьба. Въ своемъ увлеченіи католичествомъ онъ дошолъ до того, что его имя сдѣлалось ненавистнымъ для всего некатолическаго міра. И это въ тотъ критическій для всей Польши моментъ, когда внутренній строй ея крайне нуждался въ спасительной реформѣ; когда въ Польшѣ нужно было упрочить монархію и образовать энергичное правительство; когда нужно было, во что бы то ни стало, положить конецъ польской сеймовой анархіи, развращавшей и губившей государство.

Для этого Сигизмунду нужно было собрать плоды полезной, хотя и кратковременной дѣятельности Стефана Баторія, привлечь къ себѣ его талантливыхъ, благородныхъ и возвышенныхъ сотрудниковъ и съ ними сломить произволъ сеймовъ и магнатовъ и на мѣсто того прочно укрѣпить власть королевскую.

Но Сигизмундъ III, царствуя на бѣду Польши цѣлыхъ 45 лѣтъ, съ 1587 по 1632 годъ, сдѣлалъ все, чтобы только испортить и погубить дѣло короля Стефана Баторія.

[1]) Очеркъ исторіи Польши. С.-ПБ., 1891, 144.

Прежде всего онъ оттолкнулъ отъ себя благороднаго сотрудника Стефана Баторія, Яна Замойскаго. Замойскій предложилъ измѣнить положеніе сеймовъ и утверждать рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ, какъ дѣлалось это во всемъ мірѣ, а не меньшинствомъ лицъ и даже одного какого-нибудь лица.

Но Сигизмундъ, лично ненавидя Замойскаго, самъ отвергнулъ такое предложеніе и сразу пошатнулъ то зданіе, которое успѣлъ было заложить его предшественникъ. Далѣе, не обращая никакого вниманія на дальнѣйшую судьбу Польши, Сигизмундъ женился на австрійской эрцгерцогинѣ Аннѣ и тайно обѣщалъ уступить Польшу Австріи при жизни или послѣ своей смерти.

Но это уже была открытая измѣна короля передъ государствомъ и народомъ, который вовсе не желалъ отдаваться Австріи. Этотъ тайный договоръ открылъ Замойскій и изобличилъ короля на сеймѣ. Король былъ страшно скандализированъ и повинился во всемъ.

Такая повинность, вмѣсто усиленія королевскаго авторитета, о чемъ всю жизнь хлопоталъ благородный канцлеръ, повела къ еще большему униженію его.

Тогда противъ короля поднятъ былъ открытый бунтъ со стороны сандомирскаго воеводы Николая Зебржидовскаго и его клевретовъ, отказавшихся повиноваться такому королю, какимъ оказался Сигизмундъ III, и провозгласившихъ безкоролевье.

Сигизмунда спасъ тотъже Замойскій, но король, вмѣсто того, чтобы прислушиваться къ благоразумнымъ совѣтамъ великаго канцлера, независимо отъ него вводитъ на Украйнѣ страшную мѣру, такъ называемую религіозную унію, въ 1595 и 1596 г.г. въ городѣ Брестѣ, принесшую неисчислимыя бѣдствія какъ Украйнѣ, такъ и самой Польшѣ и завершившуюся отпаденіемъ Малой Россіи и гибелью самой Польши.

Руководителями Сигизмунда III во всемъ были его бывшіе учителя, іезуиты: первый министръ, епископъ кра-

ковскій Юрій Радзивилъ, іезуитъ Бергардъ Голынскій и іезуитъ же Петръ Скарга.

По религіознымъ воззрѣніямъ это были космополиты, не обращавшіе никакого вниманія на интересы Польши. Для нихъ Польша представлялась только орудіемъ, которымъ слѣдовало воспользоваться для общекатолическаго дѣла: они не спрашивали себя о томъ, не сломится ли, не сокрушится-ли это орудіе. Самый Римъ не обращалъ никакого вниманія на внутреннее состояніе Польши: для него Польши, какъ отдѣльнаго государства, не существовало. Пальша была только церковная провинція Рима, которая должна пожертвовать собой для блага римской католической церкви.

Въ Европѣ въ то время царилъ испанскій король изъ фамиліи Габсбурговъ, Филиппъ II, страшный фанатикъ, истреблявшій все не католическое, введшій публичное сожженіе на кострахъ еретиковъ („ау—та—да—фе") и говорившій, что лучше вовсе остаться безъ царства, нежели царствовать хотя надъ однимъ еретикомъ, т. е. не католикомъ.

Филиппу II въ то время принадлежали—Испанія, Италія, Австрія, Венгрія, Чехія, Нидерланды, Бургундія.

Во всѣхъ этихъ странахъ онъ насаждалъ католичество и вездѣ безпощадно и поголовно истреблялъ не католиковъ.

Противъ Филиппа стояли—Англія, Франція, Голландія, Швеція и нѣкоторыя другія мелкія государства въ Западной Европѣ. Къ этой же послѣдней группѣ примыкали Россія и Турція.

Сигизмундъ III, руководясь частію собственными побужденіями, частію совѣтами своихъ министровъ-іезуитовъ, примкнулъ къ Филиппу II испанскому.

Но это была положительно безумная мысль. Сигизмундъ всѣ свои надежды возлагалъ на Филиппа. Но самъ Филиппъ разсчитывалъ воспользоваться Сигизмундомъ для собственныхъ цѣлей—направить на него удары тѣхъ враговъ, которые безпокоили владѣнія испанскаго короля своими наступленіями.

Охваченный фанатизмомъ и разсчитывающій на своего союзника, Сигизмундъ III одновременно открылъ три войны—со Швеціей, Турціей и Россіей.

Но напередъ можно было сказать, къ чему приведутъ эти войны. Сигизмундъ былъ болѣе, чѣмъ ревностный католикъ, но онъ былъ совершенно бездарный полководецъ.

До тѣхъ поръ войны со Швеціей у Польши не было 16 лѣтъ. Теперь войну началъ самъ Сигизмундъ, послѣ смерти своего отца, Іоанна Вазы, за престолъ шведскій, который нуженъ былъ ему не для чего иного, какъ для искорененія въ Швеціи протестантской вѣры и введенія вмѣсто нея католической. Въ Швеціи тогда временно правилъ дядя Сигизмунда III, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, который подъ конецъ пересталъ повиноваться Сигизмунду и рѣшилъ взять въ свои руки шведскую корону, чему вполнѣ сочувствовалъ и весь шведскій народъ, нелюбившій Сигизмунда III за его безумный фанатизмъ. Съ этимъ герцогомъ Карломъ и вступилъ въ борьбу Сигизмундъ. Борьба эта оказалась для Сигизмунда безславная, безполезная и очень долгая, длившаяся цѣлыхъ 15 лѣтъ и приведшая къ тому, что герцогъ Карлъ былъ признанъ сеймомъ шведскихъ чиновъ и всей Европой, кромѣ Польши, шведскимъ королемъ.

Войны съ Турціей у Польши не было больше 100 лѣтъ, потому что и та и другая сторона, по выраженію польскаго историка, съ незапамятныхъ временъ „находились въ примѣрномъ мирѣ“ [1]).

Причины развыва вышли извнѣ, т. е. отъ самой политики Сигизмунда, а именно—черезъ Австрію, принадлежавшую Филиппу II испанскому, на которую надвигались турки и которую Филиппъ хотѣлъ защитить силами Польши.

И тутъ, какъ мы увидимъ дальше, Сигизмундъ III жестоко поплатился за свой союзъ съ Филиппомъ II испанскимъ.

---

[1]) Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши II., 173.

Не взирая, однако, на рядъ неудачъ, Сигизмундъ въ это же время объявилъ войну и Россіи, для чего самъ отправился походомъ подъ русскій городъ Смоленскъ.

Въ тѣ поры, т. е. въ началѣ XVII столѣтія, на Руси было такъ называемое смутное время, открывшееся со времени смерти послѣдняго царя изъ дома Рюрика, Ѳедора Іоанновича, сына Іоанна Васильевича Грознаго.

Съ прекращеніемъ законной царской династіи на Руси появился рядъ самозванцевъ. Чтобы успокоить потрясенное отечество, русскіе выбрали себѣ въ цари боярина Василія Ивановича Шуйскаго. Но Шуйскій не оправдалъ надежды русскихъ патріотовъ и повергъ Россію еще въ большую смуту. Тогда на Руси явились лица, которыя рѣшили объединить Русь и Польшу въ одно политическое тѣло черезъ выборъ въ московскіе цари новой для Руси династіи. Вниманіе русскихъ людей остановилось на сынѣ Сигизмунда III, Владиславѣ. Отправлено было посольство изъ Москвы подъ Смоленскъ къ Сигизмунду, во главѣ съ митрополитомъ Филаретомъ и княземъ Голицынымъ, просить у короля дать королевича Владислава на Московское царство на условіяхъ— уважать православную вѣру, не лишать русскихъ бояръ ихъ исконныхъ правъ, никого изъ русскихъ не казнить, доставить Руси союзъ съ Польшей, изгнать изъ Россіи всѣхъ самозванцевъ.

Это былъ замѣчательный моментъ въ исторіи Польши и Россіи, когда два сильныхъ славянскихъ племени могли бы соединиться въ одно могущественное и согласное политическое едино. Но Сигизмундъ навѣки утерялъ его: онъ не думалъ о томъ, какая сила политическая могла бы выйти отъ такого соединенія, что́ могла бы получить отъ такого слiянія и та и другая сторона. Онъ думалъ только о томъ, чтобы насадить католичество на Руси и изгнать изъ нея схизму, т. е. православіе. Не довѣряя, чтобы сынъ могъ выполнить эту задачу, Сигизмундъ надменно обошелся съ московскими послами, прибывшими къ королю трактовать о чрезвычайномъ дѣлѣ, и двухъ изъ нихъ, митрополита

Филарета и князя Голицына, бросилъ въ тюрьму, а потомъ объявилъ, что самъ желаетъ быть московскимъ царемъ.

Но такое неожиданное рѣшеніе Сигизмунда подняло на ноги всѣхъ русскихъ патріотовъ: они знали, что представляетъ изъ себя Сигизмундъ III, знали его злобный характеръ, знали его ненависть ко всему не католическому міру, и потому сдѣлали послѣднее напряженіе своихъ силъ и выбрали себѣ въ цари природнаго русскаго боярина, истиннаго радѣтеля благочестія и православной вѣры, Михаила Ѳеодоровича Романова.

Тогда началась упорная борьба Россіи съ Польшей. Для борьбы съ русскими польскій король Сигизмундъ III послалъ полки во внутрь Россіи подъ начальствомъ королевича Владислава и гетмана Хоткевича добывать царскую корону.

Однако положеніе самой Польши, благодаря безумной политикѣ самого Сигизмунда III, оказалось въ это время настолько критическимъ, что она трещала по всѣмъ, непрочно сшитымъ, швамъ своимъ. По обыкновенію въ самое затруднительное для Польши время въ ней не оказалось денегъ для уплаты войску жалованья. Не получая жалованья, польскія войска, находившіяся подъ Москвой съ царевичемъ Владиславомъ, вдругъ снялись съ мѣстъ и ушли прочь, покинувъ на произволъ судьбы своего вождя.

Тогда польское правительство обратилось за помощью, для спасенія Владислава, къ единственному въ то время военному контингенту, всегда готовому къ бою, запорожскому войску.

Вотъ тутъ то и выступилъ на историческую сцену знаменитый гетманъ Петро Конашевичъ Сагайдачный, стоявшій въ то время во главѣ запорожскаго войска.

Кто же былъ этотъ Сагайдачный?

„Низкій происхожденіемъ, но великій духомъ, ума чрезвычайнаго, добрый, проворный, малорѣчивый, врагъ роскоши, нрава жестокаго, неистовый, проливавшій кровь за малѣйшее преступленіе, неумѣренный въ чувственныхъ наслаж-

деніяхъ, ускорившихъ его смерть“ — вотъ кто таковъ, по характеристикѣ нашего перваго историка Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго, былъ гетманъ Сагайдачный.

„Исторія, продолжаетъ Бантышъ-Каменскій, передавая знаменитые подвиги героевъ, не можетъ скрыть дѣяній, помрачившихъ ихъ славу. Конашевичъ обнажилъ въ 1618 году мечъ свой противъ соотечественниковъ: обратилъ въ пепелъ Елецъ, Ливны и другіе пограничные города россійскіе, вспомоществовалъ съ 20,000 козаками, польскому королевичу Владиславу въ московской осадѣ... Онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ для личныхъ выгодъ, желая удержать за собой гетманство, пріобрѣлъ довѣріе правительства польскаго и справедливую укоризну отъ потомства“ [1]).

По справедливому замѣчанію проф. М. А. Максимовича, трудно придумать болѣе несоотвѣственную истинѣ характеристику исторической личности, какъ характеристика, данная Бантышъ-Каменскимъ, Сагайдачному [2]).

И точно. Начать съ того, что Сагайдачный вовсе не былъ низкаго происхожденія человѣкъ. Польскій лѣтописецъ Ерличъ (1620—1671), Львовская лѣтопись, Вѣрши или стихи, напечатанные въ самый годъ смерти Сагайдачнаго, Лѣтопись Величка—всѣ единогласно говорятъ, что Сагайдачный былъ человѣкъ шляхетскаго, т. е. благороднаго происхожденія. Кромѣ того, у Сагайдачнаго былъ собственный гербъ, а гербъ могли имѣть только шляхтичи и никогда не имѣли его люди низкаго происхожденія. Наконецъ трудно допустить, чтобы человѣкъ низкаго прохожденія былъ настолько въ то время образованъ, какъ былъ образованъ Сагайдачный, написавшій трактатъ объ уніи. „Петръ Конашевичъ Сагайдачный не былъ простого уроження, але шляхетскаго, отъ Самбора; въ дѣлахъ рыцарскихъ мужъ вицвицоный и справца великій и добрый“. „Сагайдачный—человѣкъ вѣры православной, греко-русской, шляхетне уро-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Исторія.
[2]) Полное собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I.

женій, въ наукѣ письменной отъ иншихъ не послѣдній, въ растропности мірской цекавій, къ товариству войсковому ласкавій, въ чину козацкомъ надъ иншихъ знаменитій, и въ цнотахъ рыцарскихъ справній и безъ похиби первѣйшій".

Такъ характеризуютъ Сагайдачнаго лѣтописцы—польскій Ерличъ и малороссійскій Величко, которыхъ не зналъ Бантышъ-Каменскій и потому не пользовался указаніями того и другого [1]).

За своей характеристикой Бантышъ-Каменскій совсѣмъ забылъ тѣ великія заслуги, какія оказалъ Сагайдачный въ свое время не только Украйнѣ, но и Польшѣ и самой Россіи, какъ это увидимъ ниже.

Если Сагайдачный и сражался съ русскими въ самомъ сердцѣ Россіи въ защиту Польши, то слѣдуетъ ли винить его за это? Ни въ коемъ случаѣ. Здѣсь полное недоразумѣніе со стороны историка Малой Россіи.

Въ то время, когда Сагайдачный шелъ со своими полками на Москву, Украина не принадлежала Россіи и была для нея иноземнымъ государствомъ. Только съ 1654 года, т. е. со времени гетмана Богдана Хмельницкаго, запорожское и малороссійское козацкое войско стало именоваться „Войскомъ его царскаго пресвѣтлаго величества". Историкъ можетъ бросить укоризну гетманамъ—Ивану Выговскому Юрію Хмельницкому и Ивану Мазепѣ, дѣйствовавшимъ уже послѣ Богдана Хмельницкаго, но онъ не имѣетъ никакого основанія упрекать всѣхъ гетмановъ до Богдана Хмельницкаго. Сагайдачный ходилъ походомъ на Россію въ помощь Владиславу въ то время, когда Украйна и Запорожье составляли одно государство съ польскою Рѣчью Посполитой. Тогда войско запорожское именовалось „Войскомъ его королевской милости". Въ то время Украйна и Запорожье были чуждыми для Россіи, и когда однажды отъ Сагайдачнаго прибыли послы въ Москву съ пойманными

[1]) Latopisiec Joachima Jerlicza, Warszawa, 1853, I. 5; Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, прилож., 50.

татарскими плѣнниками, то царь Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ сказать имъ, что они прибыли къ нему передъ великимъ постомъ, а въ постъ у великаго государя никакіе послы иноземные не бываютъ.

„Если, замѣчаетъ проф. М. А. Максимовичъ, исторія не называетъ князя Курбскаго измѣнникомъ, то за что же корить Сагайдачнаго? Сагайдачный въ началѣ 1620 года даже подалъ мысль соединенія Малой Россіи съ Великой и тѣмъ предупредилъ гетмана Богдана Хмельницкаго“ „Исторія должна бы непрестанно осыпать укоризнами и всѣхъ русскихъ князей, воевавшихъ другъ противъ друга во время удѣльнаго разъединенія Руси“ [1]).

Бантышъ-Каменскій, разумѣется, зналъ, съ какихъ поръ войско малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ обязано было вѣрностію московскому царю. Но, дѣлая характеристику Сагайдачнаго, онъ не могъ отрѣшиться, отъ того приговора, который произнесъ раньше него надъ Сагайдачнымъ нѣмецкій историкъ XVIII вѣка Энгель, написавшій Исторію объ Украйнѣ и о козакахъ малороссійскихъ [2]), и съ его голоса рѣшительно осудилъ знаменитаго гетмана. Однако, малороссійскій историкъ не взялъ во вниманіе того, что иноземные историки, бравшіеся изображать прошлую судьбу нашего отчества, рѣдко когда правдиво изображали нашихъ русскихъ дѣятелей. Такъ, извѣстно, что знаменитый нѣмецкій историкъ Шлоссеръ совершенно не понялъ нашего геніальнаго царя Петра и, остановившись на однихъ лишь отрицательныхъ чертахъ его характера, представилъ его въ своей „Всемірной исторіи“ пьяницей, развращеннымъ человѣкомъ и жестокимъ тираномъ.

Итакъ, не придавая положительнаго значенія характеристикѣ Сагайдачнаго, сдѣланной первымъ историкомъ Малой Россіи Бантышъ-Каменскимъ, мы обратимся къ первоисточникамъ, и на основаніи ихъ показаній предста-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій, Кіев. 1876, I, 343.

[2]) Engels Geschichte de Ukraine und der ukrainischen Kosachen, 1788.

вимъ дѣятельность Сагайдачнаго, насколько это позволятъ намъ сдѣлать сами источники.

Фамилія „Сагайдачный“ происходитъ отъ татарскаго слова „сагайдакъ, или саадакъ“, что значить дикій козелъ, въ переносномъ смыслѣ—колчанъ для стрѣлъ, обтянутый кожей дикаго козла.

По одному указанію, Сагайдачный родился близъ г. Самбора, по другому—близъ Перемышля, въ Подгорьѣ, но во всякомъ случаѣ онъ былъ родомъ изъ Галиціи, а не изъ Украйны. Отецъ Сагайдачнаго былъ шляхтичъ православной вѣры, по имени Кононъ или, по малорусскому произношенію, Конашъ, отсюда Конашевичъ означаетъ отчество Сагайдачнаго, а не двойную фамилію, какъ думали нѣкоторые изъ нашихъ историковъ и писали „Гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный“ или даже просто „Гетманъ Конашевичъ“.

Нужно думать, что первоначально Петръ Сагайдачный учился въ Галиціи же, хотя на это мы не имѣемъ никакихъ указаній. Зато опредѣленно знаемъ то, что онъ учился въ школѣ г. Острога, на Волыни, пробывъ въ ней „часъ немалый“. А эта школа въ свое время считалась рѣдкой школой по своимъ наилучшимъ ученымъ силамъ, при которой имѣлась даже собственная типографія.

Ко времени пребыванія Петра Сагайдачнаго въ городѣ Острогѣ относится и написанное имъ сочиненіе „Объясненіе объ уніи“, которое названо литовскимъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою въ его письмѣ къ полоцкому уніатскому архіепископу Іосафату Кунцевичу „предрагоцѣннымъ“. Къ сожалѣнію, сочиненіе это не дошло до нашего времени, и мы имѣемъ указаніе на него лишь въ письмѣ Сапѣги.

Изъ города Острога Петръ Сагайдачный ушелъ сперва въ гор. Кіевъ, неизвѣстно по какой причинѣ,—учиться ли въ Кіевской школѣ, или же искать себѣ занятій. Извѣстно лишь, что въ Кіевѣ онъ служилъ домашнимъ учителемъ у городского судьи Яна Аксака и оттуда около

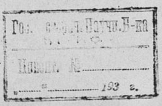
1601 года, по какимъ-то семейнымъ недоразумѣніямъ, ушелъ въ Запорожье.

Центромъ тогдашняго Запорожья было устье рѣчки Чортомлыка и ея ближайшія урочища. На Чортомлыкѣ видѣлъ главное пребываніе запорожцевъ 1596 г. посолъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Ласота. Но, повидимому, Сагайдачный нашелъ болѣе удобнымъ расположиться выше р. Чортомлыка, въ виду острова Большой Хортицы, выше устья Чортомлыка и ниже послѣдняго порога Вильнаго, въ урочищѣ наиболѣе удобномъ и безопасномъ вслѣдствіе своего исключительнаго мѣстоположенія. Вѣроятно, не отъ кого иного, какъ отъ Петра Сагайдачнаго, сохранились и до настоящаго времени названія „Пепелище Сагайдака“ и обломки „Кресла Сагайдака“, противъ „Высшей головы“ острова Хортицы и въ виду нѣмецкой колоніи Кичкасъ, Екатеринославской г., у лѣваго берега Днѣпра.

Положеніе южно-русскаго козачества передъ выступленіемъ на историческую сцену Петра Сагайдачнаго было крайне печально: еще недавно, а именно въ 1596 году, козаки съ ихъ гетманами Лободой и Наливайкой были жестоко разбиты поляками подъ начальствомъ польскаго гетмана Станислава Жолкевскаго, на урочищѣ Солоницѣ, подъ городомъ Лубнами, теперешней Полтавской г.

Послѣ этого въ козацкомъ войскѣ насталъ какой-то коловоротъ, на что указываетъ уже одна смѣна въ теченіе всего лишь 10 лѣтъ цѣлыхъ пятнадцати козацкихъ „гетмановъ“, какъ ихъ называли сами козаки, или „козацкихъ старшихъ“, какъ ихъ именовали поляки. Таковы: Кремпскій, Подвысоцкій, Христофоръ Нечковскій, Тихонъ Байбуза, Полоусъ, Семенъ Скалозубъ, Метла, Гедройцъ, Орышковскій, Самойло Кошка, Иванъ Куцковичъ, Иванъ Косой, Гаврило Кутневичъ, Григорій Изаповичъ, Яковъ Бородавка.

Послѣ цѣлаго ряда всѣхъ этихъ гетмановъ и выступилъ около 1606 г. въ званіи гетмана Петро Сагайдачный.



Идя по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, Сагайдачный прежде всего устремляется на татаръ и турокъ и совершаетъ цѣлый рядъ удивительныхъ подвиговъ.

Такъ, въ 1607 году онъ разорилъ два мусульманскихъ города, Очаковъ и Перекопъ.

Въ 1608 году и въ началѣ 1609 сдѣлалъ набѣгъ на берега Анатоліи и предалъ въ ней все огню и мечу.

Въ 1612—1613 г.г. онъ вмѣшался во внутреннія дѣла княжествъ Молдавіи и Валахіи, находившихся въ вассальной зависимости отъ Турціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ постарался занять своими постоями королевскія имѣнія въ Польшѣ, собирая въ нихъ продовольствія для своего войска.

Въ 1613 году Сагайдачный два раза выходилъ съ козаками въ Черное море „надѣлалъ много шкодъ татарамъ, разоривъ нѣсколько городовъ въ Херсонесѣ Таврическомъ". Тогда противъ Сагайдачнаго и козаковъ выслана была турецкимъ султаномъ Ахметомъ I немалая водная армата, галеры и чайки, къ Очаковскому порту, мимо котораго козаки обычно возвращались назадъ въ Запорожье. Но козаки, пользуясь ночнымъ временемъ, напали на безпечныхъ турокъ въ самомъ порту и разгромили ихъ, при чемъ взяли немало турецкихъ чаекъ и шесть большихъ галеръ, а о своей побѣдѣ немедленно донесли на польскій сеймъ и кромѣ того коронному гетману Станиславу Жолкевскому.

Въ этомъ же 1613 году Сагайдачный столкнулся съ татарами, вторгнувшимися во время его отсутствія въ предѣлы Запорожья, и одержалъ блестящую побѣду надъ ними на лѣвомъ притокѣ Днѣпра, Самарѣ [1]).

Въ началѣ весны 1614 года Сагайдачный съ козаками снова выплылъ въ Черное море. Но на этотъ разъ „низовымъ лицарямъ" не посчастливилось: въ открытомъ морѣ поднялась жестокая буря и разметала ихъ чайки въ разныя стороны, при чемъ одни изъ козаковъ были поглощены

[1]) Въ теперешней Екатеринославской губерніи, Новомосковскаго уѣзда.

волнами, другіе выброшены на берегъ и тамъ изловлены турками и перебиты.

Но это бѣдствіе нимало не устрашило ни козаковъ, ни ихъ предводителя.

Въ этомъ же 1614 году Сагайдачный снова выплылъ съ 2000 человѣкъ козаковъ въ море. Козаками на этотъ разъ руководили такъ называемые украинскіе потурнаки, т. е. украинскіе плѣнники, принявшіе противъ воли мусульманскую вѣру, изъ страха смерти служившіе туркамъ, но потомъ бѣжавшіе отъ нихъ изъ плѣна на Украину и Запорожье. Зная превосходно всѣ входы въ турецкіе побережные города у Чернаго моря, они предложили козакамъ руководить ихъ флотиліей. Козаки, пользуясь указаніями потурнаковъ, выплыли въ открытое море, ударились къ берегамъ Малой Азіи и неожиданно пристали къ богатой, крѣпкой, людной и цвѣтущей гавани *Синопу*, славившейся по всему востоку богатствомъ своихъ жителей, прекраснымъ мѣстоположеніемъ, чуднымъ климатомъ и черезъ то прозванной „городомъ любовниковъ". Они разрушили въ ней замокъ, перерѣзали гарнизонъ, захватили арсеналъ, сожгли нѣсколько мечетей, частныхъ домовъ и стоявшихъ въ гавани судовъ, вырѣзали множество жителей, освободили изъ неволи всѣхъ невольниковъ-христіанъ и, причинивъ въ общемъ убытку туркамъ на 40 милліоновъ злотыхъ, поспѣшно ушли въ море.

Извѣстіе о взятіи козаками Синопа произвело на турокъ ошеломляющее впечатлѣніе. Турецкій султанъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ было казнить великаго визиря Насафъ-пашу и помиловалъ его лишь послѣ слезной и неотступной просьбы его жены и дочери, но зато жестоко исколотилъ его металлической булавой или буздыганомъ.

Послѣ этого султанъ поспѣшилъ отправить въ море румелійскаго беглербека Ахметъ-пашу и приказалъ ему преградить козакамъ дорогу и истребить ихъ всѣхъ до единаго, гдѣ только они будутъ отысканы. Кромѣ того „великій падишахъ" отдалъ приказъ, для предупрежденія даль-

нѣйшихъ выходовъ козацкихъ въ Черное море, построить нѣсколько замковъ при впаденіи Днѣпра въ Черное море, о чемъ и извѣстилъ въ томъ же 1614 году польскаго короля Сигизмунда III, совѣтуя и ему съ своей стороны принять соотвѣтствующія противъ козаковъ мѣры.

Между тѣмъ румелійскій беглербекъ Ахметъ-паша, исполняя волю „великаго падишаха", собралъ 4000 янычаръ и „множество другого народа", посадилъ ихъ на множество галеръ и сандаловъ, бросился сразу къ устью Днѣпра и сталъ поджидать возвращенія козаковъ на урочищѣ „Переправа воиновъ", (Хазилеръ херемихъ), для чего велѣлъ доставить изъ Аккермана или Бѣлаго города пушки къ крѣпости Очакову. Въ тоже время, повинуясь приказанію „великаго падишаха", Ахметъ-паша тутъ-же приступилъ сразу и къ сооруженію крѣпостей у устья Днѣпра и Днѣпровскаго лимана. Для того, чтобы продовольствовать свое войско и имѣть необходимые матеріалы для сооруженія крѣпостей Ахметъ-паша написалъ письмо польскому королю съ требованіемъ доставки того и другого для турокъ. Но, польское правительство, т. е. король и сенаторы, увидѣло въ этомъ стремленіе со стороны султана къ разрыву съ Рѣчью-Посполитою и исканіе расширить предѣлы своихъ владѣній, а потому коронный гетманъ Станиславъ Жолкевскій поторопился выйти на южную границу Польши, гдѣ и держался съ войскомъ въ теченіе нѣкотораго времени.

Между тѣмъ козаки, мало заботясь о томъ, что ожидало ихъ у „Переправы воиновъ", шли моремъ въ обратный путь. Увидя воочію грозу, они рѣшили пробиться сквозь турецкія галеры и сандалы и уйти вверхъ по Днѣпру. Когда они приблизились къ самой „Переправѣ воиновъ", то на нихъ сразу посыпались пули, ядра и стрѣлы со всѣхъ сторонъ. Несмотря на это, козаки, нисколько не теряя мужества и противопоставляя янычарскимъ саблямъ и татарскимъ стрѣламъ собственное оружіе, двигались дальше. Однако на этотъ разъ всѣ преимущества были на сторонѣ ихъ противниковъ. Уступая имъ и по силѣ, и по боевымъ

средствамъ, козаки подъ конецъ не выдержали натиска и были побѣждены врагами. Часть изъ нихъ была убита, часть потоплена въ водѣ, и только незначительное число, по донесенію Ахметъ-паши султану, прорвалось впередъ и ушло къ городу Черкасамъ и Каневу, теперешней Кіевской губерніи.

Такъ изображается конецъ выхода козаковъ въ Черное море въ 1614 году по однимъ источникамъ.

Нѣсколько иначе передаетъ объ этомъ дѣлѣ другой источникъ, приписывающій пораженіе козацкой флотиліи у „Переправы воиновъ“ въ 1614 году великому визирю Насафъ-пашѣ.

Желая возвратить милость своего повелителя, великій визирь Насафъ-паша поспѣшилъ послать къ устью Днѣпра Шакша—Ибрагимъ-пашу съ нѣсколькими судами и отборнымъ войскомъ. Шакша—Ибрагимъ паша, бросившись въ открытое море, прошелъ по немъ совершенно незамѣченнымъ и сталъ у Днѣпровскаго устья раньше, чѣмъ пришло туда козацтво. Козаки, замѣтивъ турокъ и зная въ такихъ случаяхъ всѣ пріемы своихъ противниковъ, взяли съ своей стороны мѣры и, не доходя до засады Шакша—Ибрагимъ паши, пристали къ берегу, вытащили на сушу свои чайки и понесли ихъ вдоль берега рѣки Днѣпра, имѣя въ виду снова потомъ спустить ихъ въ рѣку выше турецкой засады и продолжать свой путь дальше. Но турки, провѣдавъ о хитрости козаковъ, бросились на нихъ и хотѣли перебить всѣхъ на сушѣ. Однако изъ 2000 человѣкъ имъ удалось убить всего лишь 200 человѣкъ, а 20 взять въ плѣнъ. Остальные козаки, побросавъ нѣкоторую часть своей добычи въ воду, съ лучшею добычею все-таки успѣли сѣсть въ лодки и уйти отъ турокъ вверхъ по Днѣпру. Зато взятые въ плѣнъ 20 человѣкъ козаковъ были доставлены Шакша—Ибрагимомъ пашой въ Царьградъ и тамъ преданы были, въ присутствіи жителей Синопа, пріѣхавшихъ въ

столицу съ извѣстіемъ о разореніи ихъ города козаками мучительной казни [1]).

Послѣ казни плѣнныхъ козаковъ турецкое правительство отправило въ Польшу пословъ съ извѣстіемъ, что оно двинетъ войска въ самую землю козацкую, чтобы разъ и навсегда прекратить ихъ выходы въ море и набѣги на турецко-татарскія земли. Но въ Польшѣ нашли, что приведеніе въ исполненіе такого плана будетъ нарушеніемъ существующаго между турками и поляками мира и отвѣтили въ Константинополь, что противъ козаковъ выступитъ самъ гетманъ Станиславъ Жолкевскій, турки же могутъ стать у Днѣпровскаго лимана и истреблять тѣхъ изъ нихъ, которые выскочутъ въ открытое море.

Не взирая на это, въ слѣдующемъ 1615 году, „на провесни", гетманъ Сагайдачный съ козаками вновь выплылъ въ Черное море на 80 чайкахъ, добрался до *Константинополя* и зажегъ возлѣ него двѣ пристани, Мизевну и Архіоки. Султанъ Ахметъ-ханъ I былъ въ это время на охотѣ какъ разъ около этихъ мѣстъ и, увидавъ пожаръ, бѣжалъ поспѣшно въ столицу. Оправившись отъ страху, онъ приказалъ снарядить противъ козаковъ цѣлую флотилію и истребить ихъ въ открытомъ морѣ.

Между тѣмъ козаки, разгромивъ окрестности Константинополя и задавши „превеликій страхъ и смятеніе" султану и всѣмъ цареградскимъ обывателямъ, покинули столицу султана, ушли въ море и, гонимые турецкимъ флотомъ, очутились у устья Дуная. Тутъ между козаками и турками произошелъ жестокій бой, и турки были въ прахъ разбиты козаками: они потеряли всѣ свои суда, которыя частью были потоплены козаками, частью захвачены ими цѣлыми; самъ начальникъ турецкаго флота, раненый, попался козакамъ въ плѣнъ и предлагалъ за себя 30,000 золотыхъ выкупа, но, не дождавшись выкупа, скончался. Послѣ всего этого козаки благополучно поднялись вверхъ по Днѣпру и прибыли въ свое Запорожье.

[1]) Эварницкій, Исторія зап. козаковъ, II, 192.

Въ 1616 году Сагайдачный вновь вышелъ съ 2000 человѣкъ въ Черное море. У Днѣпровскаго лимана напалъ на новаго начальника турецкаго флота и отбросилъ его отъ лимана въ открытое море, послѣ чего самъ, выйдя въ море, сразу взялъ налѣво и подошелъ къ турецкому городу *Кафѣ* [1]) въ которой томилось множество несчастныхъ невольниковъ христіанъ. Городъ былъ тотчасъ взятъ на копье, преданъ огню, а всѣ невольники выведены на свободу и присоединены къ козацкой флотиліи. [2]).

Отъ Кафы Сагайдачный ударился снова къ *Синопу* и далѣе къ *Трапезонту* и взялъ приступомъ оба города. Разбивъ турецкаго пашу, частью потопивъ, частью захвативъ съ собой нѣсколько турецкихъ судовъ, онъ повернулъ съ богатою добычею назадъ. Тѣмъ временемъ турки, отброшенные имъ раньше того отъ Днѣпровскаго устья въ открытое море, вновь придвинулись къ устью Днѣпра и заступили тамъ путь козацкому войску. Сагайдачный, провѣдавъ о мѣстѣ стоянки турокъ, пошелъ не къ устью Днѣпра, а къ устью Дона и, выйдя тамъ на сушу, благополучно направился въ Запорожье.

Между тѣмъ въ его отсутствіе въ Запорожье ворвался Шакша—Ибрагимъ-паша, разграбилъ запорожскія жилья, захватилъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и повернулъ съ ними назадъ. Но тутъ на него внезапно наскочилъ Сагайдачный на рѣчкѣ Конскія-воды, всѣхъ бусурманъ перебилъ, добычу отнялъ, христіанскихъ невольниковъ освободилъ.

Удивительная смѣлость, быстрота и разрушительность всѣхъ этихъ козацкихъ походовъ на Крымъ и Турцію превосходятъ всякія описанія и могутъ быть объяснимы только тѣмъ, что во главѣ козаковъ стоялъ такой геніальный предводитель, какъ Петро Конашевичъ Сагайдачный. Такихъ успѣховъ козаки до Сагайдачнаго да и послѣ него, развѣ только при кошевомъ атаманѣ Сиркѣ, никогда не

[1]) Теперешней Ѳеодосіи.

[2]) Доказательства того, что г. Кафа былъ взятъ козаками въ 1616 г. см. Эварницкаго „Исторія запорожскихъ козаковъ“, II, 613

имѣли. Своими неожиданными и смѣлыми набѣгами они положительно подняли весь Крымъ и Турцію на ноги.

Въ это время силы козаковъ возрасли вдесятеро противъ того, какъ было до Сагайдачнаго. Постановленія польскихъ сеймовъ съ 1607 по 1620 годъ и такъ называемыя люстраціи замковъ польско-украинскихъ прямо свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ ростѣ въ теченіе этихъ годовъ малороссійскаго козачества. Въ 1594 году, при гетманѣ Христофорѣ Косинскомъ, козаковъ считалось всего лишь 5000 человѣкъ; теперь, при гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ, уже болѣе 50000 человѣкъ.

Это дало большую силу гетману Сагайдачному успѣшно бороться съ Турціей и заставило его уважать въ самой Польшѣ.

Подъ защитой такого мощнаго вождя, какъ Сагайдачный, мѣщане различныхъ южно-русскихъ городовъ и посполитые селеній и деревень открыто возстали противъ своихъ притѣснителей, польскихъ пановъ и ксендзовъ, и начали дѣлать нападенія на города и замки. Такъ, въ 1607, 1609, 1614, 1619 г.г. въ различныхъ мѣстахъ начались козацкія движенія и приняли такіе угрожающіе размѣры, что это время въ польско-украинскихъ современныхъ актахъ называется „часомъ козацкимъ“. Козаки и мѣщане, не стерпѣвъ богопротивной уніи, подняли бунтъ въ самомъ Кіевѣ противъ уніатскаго митрополита Іосифа Рутскаго и одного изъ его усердныхъ приспѣшниковъ, игумена Выдубецкаго монастыря Антона Грековича, „посадили подъ ледъ воды пити“, а въ городѣ Витебскѣ убили самого архіепископа уніатскаго, Іосафата Кунцевича. Коронному гетману Жолкевскому, выступившему противъ козаковъ, они написали, по его собственнымъ словамъ, гордое и надутое письмо, и онъ ничего не могъ предпринять для того, чтобы усмирить ихъ.

Послѣ этого вездѣ въ Польшѣ закричали о необходимости уничтоженія малороссійскаго козачества. Но противъ этого возстали польскіе публицисты, и одинъ изъ

нихъ, Пальчевскій, издалъ по этому поводу особую книжку „О козакахъ—уничтожить ихъ или нѣтъ“; въ ней онъ доказывалъ, что истребленіе козаковъ недопустимо, потому что оно „безчестно, безполезно и невозможно“.

И точно, истребленіе козаковъ было невозможно, потому что именно въ это время, какъ никогда раньше, въ нихъ оказалась настоятельная надобность. Благодаря безумной политикѣ короля Сигизмунда III и его министровъ-іезуитовъ, доведшихъ польско-литовское государство до полнаго растройства, благодаря безвыходному положенію, въ которое король поставилъ своего сына Владислава, очутившагося подъ Москвой безъ войска, безъ денегъ и безъ пропитанія, не только нельзя было думать объ истребленіи малороссійскаго козачества, а необходимо было, напротивъ того, воспользоваться нимъ для выручки изъ бѣды королевскаго сына.

И дѣйствительно, видя неминуемую бѣду, благомыслящіе люди Польши рѣшили обратиться къ готовому въ королевствѣ контингенту военному, т. е. къ козацкому войску, и его предводителю, прославленному въ борьбѣ съ турками, гетману Сагайдачному, чтобы извлечь королевича изъ подъ Москвы.

Сагайдачный, выслушавъ поляковъ, не сразу согласился на ихъ просьбу. Онъ представилъ имъ слѣдующія условія: 1) расширеніе козацкой территоріи, 2) свобода на Украинѣ православной вѣры, 3) увеличеніе количества козацкаго войска, 4) признаніе со стороны Польши судебной и административной автономіи Украины.

Поставленный въ критическое положеніе, польскій король и сенатъ согласились на всѣ эти требованія Сагайдачнаго и прислали для его войска такъ называемые войсковые клейноды, т. е. булаву, бунчукъ, печать, знамя. Требовалось еще, для скрѣпленія обѣщанія короля и сената, согласіе общегосударственнаго сейма, но договоръ совершился наскоро, въ виду спѣшности дѣла, и тогда Сагайдачный, собравъ 20000 войска козацкаго, двинулся съ нимъ

въ началѣ августа, 1618 года, въ предѣлы московскаго царства.

На своемъ пути Сагайдачный сперва взялъ города *Путивль и Ливны* и въ послѣднемъ полонилъ мѣстнаго воеводу, князя Никиту Черкасскаго. Далѣе „хитровоеннымъ способомъ“ овладѣлъ городомъ *Ельцомъ*, при чемъ въ сраженіи былъ убитъ воевода Андрей Полевъ, которому „осадное сидѣніе было не за обычай“, а жена его была взята въ плѣнъ. Тутъ же добычею Сагайдачнаго сдѣлалось и московское посольство, ѣхавшее въ Крымъ подъ начальствомъ Стефана Хрущева и Семена Бредихина.

Въ зависимости отъ Сагайдачнаго, но отдѣльно отъ него, дѣйствовалъ Михайло Дорошенко, который взялъ города—*Лебедянь* [1]), *Данковъ, Скопинъ и Ряскій или Ряжскъ* [2]), побивъ въ нихъ множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей „до ссущихъ младенцевъ“; а потомъ, ворвавшись въ рязанскую область, предалъ огню много посадовъ, побилъ нѣсколько священниковъ и приступилъ къ городу *Переяславу*, но отъ него былъ отбитъ и ушелъ къ Ельцу.

Самъ Сагайдачный, взявъ Путивль, Ливны и Елецъ, направился къ *Шацку* [3]) *и Данкову* и впереди себя отправилъ полковника Милостиваго съ 1000 человѣкъ козаковъ подъ городъ *Махайловъ* [4]), приказавъ ему ворваться ночью въ городъ и взять его.

Полковникъ Милостивый; задержанный страшнымъ громомъ и проливнымъ дождемъ, успѣлъ придти въ Михайлову лишь 12 числа августа мѣсяца, въ тотъ самый день, когда въ городъ Сапожковъ пришло 40 человѣкъ великороссійскихъ ратныхъ людей. Послѣдніе, выйдя изъ Сапожкова города съ нѣсколькими его обывателями, не допустили Милостиваго до города Михайлова „и побѣдили множество воюющихъ запорогъ“.

---

[1]) Теперешней Тамбовской губерчіи.

[2]) Послѣдніе всѣ три Рязанской губерніи.

[3]) Теперешней Тамбовской губерніи.

[4]) Теперешней Рязанской губерніи.

Послѣ неудачнаго приступа полковника Милостиваго къ городу Михайлову подошелъ самъ Сагайдачный и августа 17 дня осадилъ его со всѣхъ сторонъ, приказавъ стѣны города зажигать горящими ядрами, а въ самый городъ пускать множество стрѣлъ съ огнемъ.

Къ сожалѣнію достовѣрныхъ извѣстій о подробностяхъ осады города Михайлова самимъ Сагайдачнымъ не имѣется. Имѣется лишь „сказаніе“ объ осадѣ города, составленное по обычному шаблону подобнаго рода духовно-религіозныхъ произведеній и приписывающее неуспѣхъ Сагайдачнаго подъ городомъ вмѣшательству высшей силы, явно покровительствовавшей благочестивымъ михайловцамъ и явно гнѣвавшейся на „запорогъ“ богопротивыхъ.

По этому „Сказанію“ приступъ къ городу продолжался въ теченіе двухъ дней и двухъ ночей. Жители города долго отбивались отъ козаковъ, но потомъ, изнемогая отъ усталости, помолились Господу Богу и пречистой Богородицѣ и, выйдя съ мощью и храбростію изъ города, съ крикомъ устремились на непріятелей. Побивъ сразу множество „запорогъ“, они сожгли всѣ щиты, штурмы и приметы ихъ и заставили гетмана отступить на время отъ города, чѣмъ привели его въ страшную ярость. Гетманъ, отступая отъ города, объявилъ жителямъ его, что на слѣдующій день утромъ, онъ возьметъ его, какъ птицу и предастъ огню, а всѣмъ жителямъ отъ мала до велика прикажетъ отсѣчъ руку и ногу и бросить отсѣченныя части псамъ. Послѣ этого, заставивъ присягнуть всѣхъ козаковъ не взявши города не отходить отъ него и вновь изготовивъ щиты, штурмы и приметы, Сагайдачный подступилъ къ городу вторично августа 23 дня и со всѣхъ сторонъ обложилъ его снарядомъ.

Жители города въ страхѣ ходили со всѣмъ клиромъ церковнымъ и съ образами по городскимъ стѣнамъ, молили съ плачемъ Господа Бога, владычицу Богородицу, архистратига Михаила да великаго чудотворца Николая объ избавленіи ихъ отъ страшнаго непріятеля, и Господь Богъ вновь

влилъ мужество въ сердца осажденныхъ: сдѣлавъ новую вылазку изъ города, они вторично ударили на козаковъ и прогнали ихъ отъ города. „И всепагубный врагъ Сагайдачный съ остальными запороги своими отъиде отъ града со страхомъ и скорбію августа въ 27 день, а жители богохранимаго города Михайлова совершаютъ по всѣ лѣта торжественныя празднества въ тѣ дни, въ первый приступный день, августа въ 17 день, чудо архистратига Михаила, а объ отшествіи отъ града запорогъ августа въ 27 день празднуютъ великому чудотворцу Николаю“ [1]).

Изъ этого сказанія можно вывести лишь одно заключеніе, что жители города Михайлова рѣшили не поддаваться безъ бою Сагайдачному, а Сагайдачный, приступая къ городу, рѣшилъ не засиживаться возлѣ незначителнаго городка, а спѣшить къ Москвѣ на выручку Владислава, нуждавшагося въ немедленной помощи со стороны Сагайдачнаго. Тѣмъ болѣе, что Сагайдачному впереди предстояла борьба съ главными московскими силами.

И точно, противъ Сагайдачнаго уже давно выслана была царемъ русская рать изъ Пафнутьева монастыря къ городу Серпухову подъ начальствомъ знаменитаго князя Д. М. Пожарскаго.

Но великороссійскіе козаки, находившіеся, подъ командой князь-воеводы, при встрѣчѣ съ Сагайдачнымъ, разбѣжались. Самъ воевода, князь Пожарскій, оказался больнымъ и возвратился въ Москву, послѣ чего, вмѣсто него, былъ назначенъ другой воевода, князь Григорій Волконскій, которому царь приказалъ стать въ г. Коломнѣ и не допустить Сагайдачнаго къ переправѣ черезъ р. Оку. [2]).

Но князь Волконскій не оправдалъ возложеннаго на него порученія, и Сагайдачный безъ особеннаго усилія разсѣялъ московскую рать.

---

[1]) Кіевская Старина, 1885, № 12, 684—689.

[2]) Лѣтопись о многихъ мятежахъ и разореніи Московскаго государства. СПБ, 1772.

Переправившись черезъ Оку, онъ двинулся по кашир ской дорогѣ, и 17 сентября былъ уже въ Бронницахъ [1]). Вслѣдъ затѣмъ передовые отряды Сагайдачнаго показались у Донского монастыря, подъ самой Москвой.

Тутъ противъ гетмана выступили изъ Москвы бояре со всею ратью. Но, говоритъ московскій лѣтописецъ, грѣхъ нашихъ ради, ужасть ихъ взя, и они бою не поставиша [2]).

Такимъ образомъ 20 сентября 1618 года гетманъ Сагайдачный спокойно прошелъ къ остаткамъ польскаго войска и спокойно соединился съ королевичемъ Влациславомъ, стоявшимъ въ 7 верстахъ отъ Москвы.

Съ великою радостью королевичъ Владиславъ встрѣтилъ гетмана Сагайдачнаго и, соединившись съ нимъ, тотчасъ отправилъ небольшую часть своего войска съ полковникомъ Чаплинскимъ къ Переяславлю Залѣсскому.

Но Чаплинскій по дорогѣ занялся осадой Троицко-Сергіевскаго монастыря и тамъ былъ убитъ монастырскими служками со стѣны обители.

Самому гатману Сагайдачному поручена была осада Москвы, и для приступа назначено было 1 октября, ночь подъ праздникъ Покрова пресв. Богородицы.

Два перебѣжчика, „французскіе нѣмцы", предупредили Москву о готовящемся быть на нее приступѣ, и Москва укрѣпилась у всѣхъ воротъ.

Насталъ самый рѣшительный моментъ не только для Москвы, но и для всей Россіи: царь былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, еще не забыта недавняя измѣна со стороны бояръ, ощущался большой недостатокъ въ войскѣ.

Между тѣмъ къ полуночи Сагайдачный уже подошелъ къ самой Москвѣ и сталъ у Арбатскихъ воротъ. Уже отданъ былъ приказъ къ осадѣ; уже выломаны были петардою Острожныя ворота, и козаки бросились къ осадѣ. Но вдругъ Сагайдачный велѣлъ прекратить осаду и отступить.

[1]) Теперешняго Коломенскаго у., Московской г.

[2]) Лѣтопись о многихъ метежахъ и разореніи Московскаго государства, СПБ, 1772.

Почему? Что произошло?

Источники того времени ничего не говорятъ объ этомъ. О трусости со стороны Сагайдачнаго не можетъ быть и рѣчи: имя его наводило страхъ и трепетъ на турокъ и татаръ, а мужество его было извѣстно всѣмъ. Мысль о подкупѣ Сагайдачнаго со стороны Москвы также должна быть отвергнута уже потому, что Сагайдачный не только не стремился стяжать, а, напротивъ того, все свое добро всегда раздавалъ на полезныя дѣла. Остается домыселъ историковъ на этотъ счетъ. Такъ какъ приступъ начатъ былъ подъ 1-е октября, когда въ Москвѣ зазвонили во всѣхъ церквахъ въ колокола, а у запорожцевъ въ это же время праздновался храмовой праздникъ Покрова пресв. Богородицы въ походѣ и въ Сѣчи, то они, услыхавъ звонъ и вспомнивъ собственный праздникъ, невольно потянулись къ своимъ шапкамъ, чтобы снять ихъ съ головы и невольно поднесли руку къ лицу, чтобы осѣнить себя крестнымъ знаменемъ и... тутъ прекратили кровопролитіе своихъ братьевъ по крови и по Христу...

Но такой домыселъ старыхъ историковъ болѣе романтиченъ, нежели правдоподобенъ.

Ближе къ правдѣ взглядъ на это дѣло біографа Сагайдачнаго нашихъ дней.

Гетманъ Сагайдачный, какъ показываютъ всѣ факты его дѣятельности, былъ глубокій политикъ, ясно понимавшій задачу, выпавшую на его долю, какъ руководителя судьбы Малой Россіи и Запорожья. Онъ видѣлъ, что судьба Украйны и Запорожья находится въ зависимости съ одной стороны отъ Польши, съ другой отъ Россіи и что истиннымъ руководителемъ дѣлъ будетъ тотъ, кто сумѣетъ стать между тѣмъ и другимъ государствомъ и сумѣетъ извлечь интересъ для Украйны и Запорожья изъ той и другой стороны.

Какъ подданный польско-литовскаго королевства, онъ исполнилъ все, что требовали отъ него: явился въ самое сердце Россіи, спасъ честь и свободу своего королевича и далѣе счелъ оконченною свою роль: онъ не хотѣлъ пол-

наго униженія Москвы, чтобы черезъ то окончательно не восторжествовала Польша, отъ которой нельзя было ждать для Украйны никакихъ благъ.

„Оберегая Москву, говоритъ новѣйшій біографъ гетмана Сагайдачнаго, И. М. Каманинъ, Сагайдачный видѣлъ въ ней естественную и надежную союзницу малорусскаго народа въ борьбѣ съ полонизаціей и окатоличеніемъ, и въ гетманской заботѣ о томъ, чтобы малороссы не обляшились и не стали унельщиками“ [1]), держался очень осторожно.

Какъ бы то ни было, но судьба Россіи въ это знаменательное для Москвы время всецѣло была въ рукахъ Сагайдачнаго. Однако онъ не увлекся своими успѣхами и, исполнивъ долгъ въ отношеніи Польши, отступилъ отъ Москвы.

„Помощію пречистой Богородицы, славнаго Покрова... отаманъ отыде причь и ста опять въ таборахъ... Государь же поставилъ храмъ каменный, по обѣту своему, во имя Покрова преч. Богородицы, во дворцовомъ селѣ Рыбцовѣ (что называется и селомъ Покровскимъ). Кромѣ того, въ память того же случая есть и придѣлъ Покрова, при Арбатской церкви Николая Явленнаго, сооруженной также царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ [2]).

Отступивъ отъ Москвы, гетманъ Сагайдачный направился къ г. Калугѣ. По дорогѣ онъ взялъ острогъ въ г. Серпуховѣ, а потомъ овладѣлъ острогомъ и въ самой Калугѣ.

Самъ королевичъ также отошелъ отъ Москвы и сталъ на р. Прѣснѣ, откуда началъ трактовать съ царемъ о мирѣ. Когда же переговоры о мирѣ прервались на первый разъ, тогда королевичъ отодвинулся дальше, къ Троицко-Сергіевской лаврѣ и оттуда снова повелъ переговоры о мирѣ. Кромѣ различныхъ пунктовъ, на которыхъ не сходились обѣ стороны, большое затрудненіе представляли собой запорожцы: поляки не ручались, чтобы они, послѣ объявленія мирнаго договора, захотѣли оставить московскую землю.

---

[1]) Каманинъ, Очеркъ гетманства Сагайдачнаго, Кіевъ, 1901, 13.

[2]) Снѣгиревъ, Русская Старина, Москва, 1849.

Тѣмъ временемъ Сагайдачный, узнавъ о начавшихся мирныхъ переговорахъ между русскими и поляками, прислалъ отъ себя къ Владиславу козака Путивльца и совѣтовалъ королевичу не покидать предѣловъ московскаго государства до полнаго заключенія мира. Но въ это время на Руси повсемѣстно начались большіе морозы; кромѣ того, въ войскѣ Владислава чувствовался большой недостатокъ въ пропитаніи, а потому переговоры о мирѣ вновь возобновились.

Перемиріе произошло въ с. Деулинѣ, на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ на условіи, по которому Россія уступила Польшѣ Смоленскъ, Черниговъ и Сѣверскіе города.

Послѣ этого Сагайдачный, узнавъ о перемиріи, выступилъ изъ Калуги за предѣлы Россіи, а изъ его войска 300 человѣкъ козаковъ возвратились въ Москву „на государево поле".

Повернувшись изъ московскаго похода на Украйну, козаки натурально потребовали отъ польскаго правительства награды себѣ за свои труды и добивались этого настойчиво. Полякамъ такое требованіе сильно не понравилось, и они выражали по этому поводу свое негодованіе, какъ это видно, напр., изъ одного изъ писемъ гетмана Станислава Жолкевскаго.

„Козакамъ, пишетъ Жолкевскій, обѣщано было жалованья 40,000 злотыхъ. Сколько стараній нужно было употребить, чтобы успокоить козаковъ, — такъ они сознавали свою силу! Было немало торгу и толковъ; домогались они то того, то другого. Дали имъ 20,000 въ награду за московскую службу и 700 поставовъ сукна да 10,000 въ счетъ обѣщаннаго жалованья [1]).

Вознаградивъ денежно козаковъ за ихъ походъ подъ Москву, польское правительство однако, уклонилось исполнить тѣ условія, на какихъ Сагайдачный только и согласился идти подъ Москву на спасеніе королевича Владислава.

[1]) Listy St. Zolniewskiego, Krakow, 1868.

Но это была обычная уловка со стороны польскаго правительства въ отношеніи козаковъ: когда въ нихъ была надобность, ихъ призывали и признавали; когда въ нихъ не было надобности, отъ нихъ отказывались, ихъ не признавали и не исполняли данныхъ имъ обѣщаній.

Такъ было до Сагайдачнаго; такъ поступили и съ Сагайдачнымъ.

Но не таковъ былъ гетманъ Сагайдачный, чтобы попустить это полякамъ. Уже передъ московскимъ походомъ нѣсколько разъ съѣзжались депутаты польскіе и козацкіе для договоровъ о взаимныхъ отношеніяхъ польскаго правительства и малороссійскаго козачества. Но всегда эти договоры оказывались „односторонними, съ опредѣленіемъ лишь того, что должны дѣлать и кому подчиняться козаки“ [1]).

Такъ было и въ 1619 году, когда польскіе комиссары прибыли въ Кіевъ и вновь открыли свои безплодные и ничего не обѣщающіе договоры. Видя это, Сагайдачный собралъ козацкое войско подъ Бѣлую Церковь и уже готовъ былъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать права козацкаго сословія, польское войско также призвано было къ оружію и стало противъ козацкаго всего лишь въ 30 верстахъ, ниже Паволочи, на р. Раставицѣ.

Но до открытаго столкновенія, однако, дѣло не дошло, и въ концѣ концовъ условія между поляками и козаками были все-же заключены, хотя эти условія, по справедливому замѣчанію И. М. Каманина, видимо диктовались одною стороной, и козачество ими не было довольно и не могло имъ подчиниться. Такъ, козаки теряли право морскихъ походовъ на Турцію; количество ихъ войска ограничивалось, автономія, судебная и административная, уничтожалась [2]).

Какъ же вышелъ изъ этого положенія, Сагайдачный?

Принимая на бумагѣ такія условія, Сагайдачный вовсе не думалъ исполнять ихъ и видимо готовился къ рѣшитель-

---

[1]) Каманинъ, Очеркъ гетманства П. Сагайдачнаго, Кіевъ, 1901, 21.

[2]) Тамъ-же, 21, 22.

ному столкновенію съ поляками. Это видно изъ того, что вслѣдъ за тѣмъ онъ отправилъ по городамъ и мѣстечкамъ реестры того, что каждый изъ нихъ долженъ былъ дать для снабженія козацкаго войска, а также сталъ созывать „для обсужденія религіозныхъ и политическихъ вопросовъ все православное духовенство на соборъ въ Кіевъ, а населеніе на черную раду у Сухой Дубровы“ [1]).

Пренебрегая постановленіями польской комиссіи, Сагайдачный отправилъ въ это время на Крымъ и Турцію довольно значительный отрядъ своихъ козаковъ подъ начальствомъ одного изъ своихъ сподручниковъ.

Козаки бросились „на татарскіе улусы, многихъ татаръ побили и въ полонъ поймали, а было ихъ съ 5000 человѣкъ; было имъ съ крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопа, подъ самою стѣною; татаръ было на Перекопѣ съ 7000 человѣкъ, а на заставѣ съ 11000 татаръ; татаръ они многихъ побили, народъ христіанскій многій изъ рукъ татарскихъ высвободили.“

Не довольствуясь этимъ, тѣ-же козаки отъ Перекопа ударились потомъ къ европейскому побережью Турціи и тамъ разгромили турецкій городъ *Варну*, о чемъ впослѣдствіи была сложена пѣсня, дошедшая до нашего времени:

Була Варна здавна славна,
Славнійш неі козаки:
Ударили въ самопали
Семи пядів од запалів.

Эта побѣда надъ мусульманами была особенно дорога на этотъ разъ Сагайдачному. Пользуясь ею, гетманъ рѣшается на чрезвычайно важное дѣло, которое, онъ, повидимому, хорошо обдумалъ и которое, какъ можно полагать, онъ предпринялъ не для чего иного, какъ для того, чтобы принудить польское правительство къ исполненію тѣхъ условій, о которыхъ такъ хлопоталъ передъ походомъ на Москву. Онъ снарядилъ отъ себя посольство, во главѣ съ

---

[1]) Каманинъ, Очеркъ гетманства П. Сагайдачнаго, Кіевъ 1911, 21 22.

атаманомъ Петромъ Одинцомъ, къ московскому царю и черезъ посланца изъявлялъ свою готовность служить его царскому пресвѣтлому величеству противъ мусульманъ, въ подтвержденіе чего отправилъ царю нѣсколько человѣкъ „татарскихъ языковъ“, взятыхъ козаками во время послѣдняго похода на мусульманъ.

Безъ сомнѣнія это было выраженіе протеста со стороны гетмана Сагайдачнаго противъ постановленій польскаго правительства въ отношеніи козаковъ.

„Въ нынѣшнемъ 1620 году прислали къ царскому величеству отъ всего войска посланцевъ своихъ Петра Одинца съ товарищами и съ грамотой, а въ грамотѣ своей царскому величеству писали и въ рѣчи приказнымъ людямъ посланцы говорили, что гетманъ, атаманы, сотники и все войско прежнимъ великимъ государямъ повинность чинили и имъ служили и за свои службы милость и жалованье себѣ имѣли, такъ въ той-же повинности и нынѣ царскому величеству хотятъ быть и за порогами будучи службу хотятъ противъ всякихъ непріятелей оказывать; и нынѣ ходили на татарскіе улусы, и многихъ татаръ побили и въ полонъ поймали... Божіею милостію и государевымъ счастіемъ... и съ этою службою и съ языками татарскими присланы они къ государю: воленъ Богъ да царское величество, какъ ихъ пожалуетъ, а они всѣми головама своими хотятъ служить его царскому величеству, и его царской милости къ себѣ нынѣ и впредь искать хотитъ“[1]).

Посольство прибыло въ Москву въ концѣ февраля мѣсяца, 1620 года, и было милостиво принято княземъ Д. М. Пожарскимъ, но не удостоилось видѣть очи царскаго пресвѣтлаго величества. „Не оскорбляйтесь, что не видѣли есте очей его свѣтлаго царскаго величества. Вы есте пришли къ Москвѣ передъ постомъ, а въ постъ у ве-

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва 1828, Ш, 215.

ликаго государя нашего никакіе послы и иноземцы не бываютъ. А нынѣ царское величество ѣдетъ молиться ко святымъ мѣстамъ и велѣлъ васъ отпустить“ [1]).

Посольство было одарено деньгами, камками, тафтой, сукнами на кафтаны и шапки, особо войску запорожскому послано было легкое жалованье 300 рублевъ, а гетману на его грамоту написана была отвѣтная грамота, апрѣля 21 дня, 1620 года.

Принявъ милостиво посольство Сагайдачнаго, московскій царь въ то же время отправилъ строгій выговоръ путивльскимъ воеводамъ, пропустившимъ его въ Москву. Воеводамъ приказано было впредь такихъ великихъ дѣлъ безъ указу не дерзать, порухи дѣламъ не чинить и такъ не поступать изъ опасенія великой опалы [2]).

Очевидно московскій царь помнилъ только что заключенное деулинское перемиріе Россіи съ Польшей и остерегался вступать въ открытыя сношенія съ гетманомъ Сагайдачнымъ, подданнымъ польскаго короля.

Но для политики Сагайдачнаго достаточно было и того, что московскій царь выказалъ вниманіе его послу и прислалъ подарки войску.

Какъ бы то ни было, но послѣ этого гетманъ Сагайдачный предпринимаетъ на Украйнѣ такое важное дѣло, за которое исторія навсегда внесла его имя на свои страницы.

Время Сагайдачнаго—это время разгара борьбы православія съ уніей и католичествомъ. Мы видѣли, каковъ былъ польскій король Сигизмундъ III и какова была его политика относительно всѣхъ не католиковъ. Тяжко приходилось отъ его политики всѣмъ подданнымъ польско-литовскаго государства православной вѣры. Положеніе православнаго населенія въ Польшѣ тѣмъ болѣе было тяжело, что ряды его состояли только изъ простого народа, находившаго под-

---

1) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, I, примѣч. 131.

2) Каманинъ, Очеркъ гетманства П. Сагайдачнаго, Кіевъ, 1901, 12.

держку въ такъ называемыхъ церковныхъ братствахъ да низшаго духовенства: высшій же русскій классъ, соблазняемый польской культурой, уходилъ къ полякамъ, а высшее духовенство цѣлыхъ 25 лѣтъ не имѣло у себя главы православной церкви, митрополита, вслѣдствіе недозволенія польскаго правительства. Бѣда грозила отовсюду русской вѣрѣ со стороны латинства и уніи. И вотъ тутъ то и выступилъ гетманъ Сагайдачный съ малороссійскимъ козацкимъ войскомъ. До сихъ поръ малороссійскіе козаки, воюя съ многочисленными врагами, воевали за свои лично сословные интересы. Сагайдачный дѣлаетъ козацкое дѣло не сословнымъ, а общенароднымъ: съ его времени козаки выступаютъ защитниками всей украинской страны и вмѣстѣ съ этимъ берутъ подъ свою защиту православно-русскую вѣру, которую католичество и унія грозили стереть съ лица земли. Сагайдачный сдѣлалъ то, что въ Малой Россіи въ 1619 году явился собственный митрополитъ и 6 епископовъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, 1619 года, возвращался изъ Москвы іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, посвятившій тамъ 23 числа Филарета Никитича въ патріархы всероссійскіе. Изъ Москвы Ѳеофанъ держалъ путь на города Малой Россіи. Когда онъ изъ Путивля доѣхалъ до Густынскаго монастыря, близъ г. Прилукъ, теперешней Полтавской губерніи, то тамъ его встрѣтилъ гетманъ Сагайдачный и проводилъ до Кіева. „Аки пчелы матку свою, тако святѣйшаго отца и пастыря овцы словесныя отъ волковъ противныхъ стрежаху“[1])

Для встрѣчи высокаго гостя въ Кіевъ съѣхалось множество народа и духовенства. Казалось, сама русская земля сочувствовала такому событію своимъ землятрясеніемъ, происшедшимъ въ это время въ Малой Россіи. „Тогда же земля трясла ся“ въ недѣлю о непорной годинѣ. „Въ той же часъ, въ день суботній, земля ся трясла о годинѣ 20

[1]) Лѣтописецъ о первомъ зачатіи и созданіи свят. обители монастыря Густынскаго, Чтенія моск. общ., 1848.

же, изъ оконъ шибы выпадали, шкляницы изъ столовъ спадали, и люде въ страху были великомъ“ [1]).

Этимъ пріѣздомъ патріарха іерусалимскаго Ѳеофана гетманъ Сагайдачный и задумалъ воспользоваться: онъ обратился къ нему съ просьбой посвятить митрополита для города Кіева.

Однако патріархъ Ѳеофанъ, опасаясь польскаго короля и іезуитовъ, а также не имѣя разрѣшенія на то отъ константинопольскаго патріарха, которому издревле была подчинена въ духовномъ отношеніи кіевская митрополія, долго колебался.

Но событія, происшедшія въ это время въ Польшѣ, помогли Сагайдачному склонить на свою сторону патріарха и привести въ исполненіе свое намѣреніе. Какъ разъ въ это время противъ поляковъ выступили турки подъ начальствомъ Скиндеръ-паши. Гетманъ Сагайдачный не принялъ участія въ этой борьбѣ поляковъ съ турками. Турки двинулись къ городу Цоцорѣ, въ Молдавіи, къ р. Пруту. Противъ мусульманъ выступилъ гетманъ Станиславъ Жолкевскій со многими знатными польскими панами. Въ происшедшей битвѣ подъ Цоцорой поляки однако потерпѣли жестокое пораженіе; самъ гетманъ былъ убитъ, а съ нимъ убито было немало и поляковъ; между прочимъ погибъ и казачій сотникъ Михайло Хмельницкій, отецъ будущаго малороссійскаго гетмана Богдана Хмельницкаго. Немало взято было турками и въ плѣнъ: польный гетманъ Конецпольскій, князь Корецкій, Лука Жолкевскій, Георгій Фаренсбергъ и многіе другіе.

Подъ Цоцорой погибъ цвѣтъ польской аристократіи. Гетманъ Сагайдачный не двинулъ перстомъ, чтобы помочь полякамъ, и его отсутствіе отразилось трагедіей для нихъ. Онъ заплатилъ полякамъ за ихъ неисполненіе обѣщанныхъ условій передъ походомъ на Москву въ 1618 году.

---

[1]) Львовская лѣтопись, Русскій историческій сборникъ, т. III, 1839

Нечего и говорить о томъ, что отъ этого фонды Сагайдачнаго еще болѣе поднялись, и козачество пріобрѣло еще большую силу.

„Теперь козаки овладѣли всею кіевскою украйной, они господствуютъ во всемъ приднѣпровскомъ краѣ; что хотятъ, то и дѣлаютъ; жители селъ и городовъ въ бассейнѣ рѣкъ Тетерева и Ирпеня образовали козацкія сотни и признали себя составной частью южно-русскаго козачества" [1]).

Для гетмана Сагайдачнаго это былъ чрезвычайно благопріятный моментъ, и онъ имъ вполнѣ воспользовался, чтобы склонить патріарха Өеофана къ посвященію митрополита въ Кіевѣ. 6-го октября патріархъ Өеофанъ съ софійскимъ митрополитомъ Неофитомъ и стогонскимъ епископомъ Авраамiемъ, сопровождавшими его, посвятилъ игумена Михайловскаго монастыря Іова Борецкаго кіевскимъ митрополитомъ, игумена межигорскаго монастыря Исаію Копинскаго епископомъ перемышльскимъ, грека Авраамія епископомъ туровскимъ и пинскимъ, архимандрита терехтемировскаго монастыря Іезекіиля Курцевича епископомъ владимірскимъ, архимандрита братскаго свято-духовскаго виленскаго монастыря Мелетія Смотрицкаго архіепископомъ полоцкимъ, игумена черчицкаго Исакія Борисковича епископомъ луцкимъ и острожскимъ, игумена Паисія Ипполитовича епископомъ холмскимъ и белзскимъ.

Все это большею частью впослѣдствіи оказались великіе борцы за православную вѣру и за русскій народъ.

При посвященіи митрополита и епископовъ имъ были возвращены многіе православныя церкви, монастыри и земли, отобранные раньше того у православныхъ уніатами и католиками.

Съ этихъ то поръ южно-русское козачество и стало опорой православія и народности въ Малой Россіи; съ этихъ поръ южно-русскій народъ сознательно ринулся на

[1]) Антоновичъ и Бецъ, Историческіе дѣятели юго-западной Россіи, Кіевъ, 1885, 1, 5.

борьбу за вѣру и за народность не только съ католиками и уніатами, но и съ ополячившимися, окатоличившимися и объуніатившимися русскими панами и пидпанками.

Тѣмъ временемъ, когда на Украйнѣ произошло такое важное, выдающееся и чрезвычайное по своимъ послѣдствіямъ событіе, турки, разбивъ поляковъ подъ Цоцорою, на этомъ не остановились: они собрали новыя, еще болѣе грозныя силы, чтобы вторично двинуться на борьбу съ Польшей. Съ своей стороны и польское правительство рѣшило приготовиться къ отпору, для чего собрало совѣтъ въ Варшавѣ, на который получилъ приглашеніе также „великій и добрый справца Сагайдачный", какъ называетъ его польскій лѣтописецъ Іоахимъ Ерличъ [1]).

Но Сагайдачный, однако, не сразу согласился выѣхать въ Варшаву. Онъ увидѣлъ всю выгоду своего положенія и сперва уклонился отъ всякой подачи помощи полякамъ. Тогда поляки стали дѣйствовать на него черезъ пребывавшаго все еще въ Кіевѣ патріарха Феофана. Патріархъ Феофанъ „широкими словами мовилъ и упоминалъ Сагайдачнаго, дабы онъ со всею своею силою чинилъ кровавый наступъ подъ непріятеля Божого и хрестіанскаго".

Только послѣ этого Сагайдачный внялъ просьбамъ поляковъ, но и то съ условіемъ, чтобы патріархъ Θеофанъ и королевскій посолъ Бартоломей Обилковскій дали ему увѣреніе въ томъ, что король своимъ „консесомъ новопосвященныхъ, митрополита и епископовъ, для православной церкви змоцнитъ и обваруетъ".

И когда король согласился признать требованіе Сагайдачнаго, тогда и онъ съ своей стороны согласился ѣхать въ Варшаву.

Въ Варшавѣ Сагайдачному оказали большую честь, и „какъ онъ совѣтывалъ, на то согласились гетманъ и королевичъ его милость". Самъ король, обратившись со словомъ къ Сагайдачному, сказалъ ему: „я посылаю сына подъ Хотинъ и поручаю его тебѣ".

[1]) Latopisiec, Warszawa, 1853, I, 5

Но Сагайдачный не довольствовался однимъ любезнымъ пріемомъ короля и представилъ полякамъ условія, которыя просилъ утвердить тутъ же, въ столицѣ, въ его присутствіи. Эти условія были: 1) уничтоженіе должности козацкаго старшого, назначеннаго польскимъ правительствомъ надъ козаками; 2) оффиціальное признаніе власти малороссійскаго гетмана надъ Украйной; 3) отмѣна стѣснительныхъ распоряженій относительно козачества; 4) предоставленіе населенію Украйны свободы вѣроисповѣданія.

Когда всѣ эти условія были приняты и утверждены, тогда только Сагайдачный поспѣшилъ въ Кіевъ и отпустилъ оттуда въ Іерусалимъ патріарха Өеофана.

Торжественно было разставаніе народа съ патріархомъ. Съ великою печалью и плачемъ провожало его населеніе Кіева.

„Поучаше бо тогда святитель своихъ содержатися истиннаго благочестія, смиренія и любве; скорби же и гоненія со всякою покорою переносити; такожде и все благочестивое воинство благословяше, ставше на торжищѣ посреди града, всѣмъ во слухъ глаголаше имъ съ зельнымъ усердіемъ поученіе, тоже молитвы прощальныи и раздрѣшительныи, преклоннымъ имъ всѣмъ главы своя ницъ на землю; по семъ увѣщевая ихъ, дабы отъ того времени не ходили на Москву, народъ христіанскій, братію“.

Послѣ прощанія съ патріархомъ въ Кіевѣ послѣднее прощаніе было на границѣ русской земли, въ Бушѣ.

Между тѣмъ гроза, надвигавшаяся на Польшу, разразилась наконецъ тѣмъ, что противъ нея двинулся самъ турецкій султанъ Османъ II съ Кара-Мустафой и Кантемиръ-мурзой подъ рукою. Султанъ велъ съ собой 300000 турокъ да 100000 татаръ.

Противъ полчищъ мусульманъ поляки могли выставить всего лишь 87000 собственнаго войска да къ нимъ 40000 козацкаго гетмана Сагайдачнаго, итого 157000 человѣкъ.

Мѣстомъ похода назначена была турецкая крѣпость Хотинъ; „директоромъ“ хотинской войны былъ объявленъ

королевичъ Владиславъ, которому данъ былъ въ помощники коронный гетманъ Карлъ Ходкевичъ. Большія надежды возлагались на гетмана Сагайдачнаго. Сагайдачный на этотъ разъ свидѣлся съ королевичемъ въ гор. Львовѣ, и тутъ король, выходя изъ архіерейскаго двора и видя Сагайдачнаго, поклонился ему и вновь сказалъ, что поручаетъ ему сына своего.

Передъ началомъ похода польскій король и турецкій султанъ обмѣнялись листами, дѣлая другъ другу страшныя угрозы.

Король Сигизмундъ III, именуя султана поганнымъ, сыномъ чертовымъ, дѣдичемъ пекельнымъ, потомкомъ, люципера, вельзевула, антихриста, отъ вѣка сыномъ проклятымъ, котораго ожидаютъ діаволъ и пекло, грозитъ ему искоренить огнемъ и мечомъ его самого и Магомета проклятаго и совѣтуетъ бѣжать изъ Царьграда въ Вавилонъ, а еще лучше до пекла, къ отцу своему, діаволу.

Султанъ Османъ II съ своей стороны грозитъ Сигизмунду III „разгрести" Краковъ, столицу польскую, „укрыжованого" Бога его стереть навѣки, вѣру его искоренить, посвецоныхъ его конями разволочь"[1]).

Тѣмъ временемъ іюля 22 дня, 1621 года, королевичъ Владиславъ и гетманъ Ходкевичъ перешли р. Днѣстръ и скоро расположились у Хотина.

Гетмана Сагайдачнаго задержали для совѣщанія у короля; поэтому вмѣсто него пока повелъ козацкія войска Михайло Дорошенко.

Собравшись къ назначенному мѣсту, польско-козацкія войска долго ожидали прибытія Сагайдачнаго. Между тѣмъ Сагайдачный, поспѣшая къ сборному пункту, уже вблизи отъ него заблудился гдѣ-то въ лѣсу, наткнулся на турецкій отрядъ и былъ раненъ, но успѣлъ уйти и скрыться въ чащѣ лѣса. Тогда въ польскомъ лагерѣ разнеслась вѣсть, будто бы Сагайдачнаго настигли турки, и онъ погибъ отъ

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, прим. 3—5.

нихъ въ жестокой сѣчѣ. Поляки, вмѣсто погибшаго козацкаго гетмана, назначили другого, нѣкоего Якова Бородавку.

Но Сагайдачный, благополучно выбравшись изъ лѣса, неожиданно прибылъ въ августѣ мѣсяцѣ къ козацкому лагерю. Узнавши о происшедшемъ, онъ отрѣшилъ отъ гетманства своего замѣстителя Бородавку. За какую-то вину Бородавка былъ преданъ военному суду и тотъ часъ же былъ казненъ въ польскомъ станѣ.

Такъ объясняетъ это участникъ хотинскаго похода, Яковъ Собѣскій, отецъ будущаго польскаго короля Яна Собѣскаго, оставившій послѣ себя три книги на латинскомъ языкѣ о Хотинской войнѣ [1]).

Нѣсколько иначе объясняютъ казнь Бородавки малороссійскіе лѣтописцы разныхъ временъ.

Бородавка еще раньше выхода подъ Хотинъ на войну былъ назначенъ козацкимъ гетманомъ отъ польской стороны и долженъ былъ спѣшить къ своимъ войскамъ; но, выйдя въ походъ, онъ предался пьянству и грабежамъ и черезъ это опоздалъ своимъ приходомъ къ назначенному дню.

Этимъ и воспользовался Сагайдачный, чтобы его казнить. „А затое Бородавка обвиненъ, что не поспѣшалъ зъ войскомъ своимъ до главного обозу полского да бавился въ дорозѣ здобичемъ“ [2]).

Впослѣдствіи нѣкоторые историки, не знавшіе истинныхъ причинъ казни Якова Бородавки, обвиняли Сагайдачнаго въ излишней жестокости и ставили ему въ большую укоризну это обстоятельство. Однако, углубляясь въ сущность дѣла, едва-ли можно обвинять въ этомъ Сагайдачнаго.

Правдоподобно допустить мысль, что Яковъ Бородавка дѣйствительно могъ быть гетманомъ козацкимъ или „старшимъ“ отъ польской стороны еще въ то время, когда Сагайдачный дѣйствовалъ съ козаками противъ турокъ на

---

[1]) Commentariorum Chotineusis belli libri tres, Danzig, 1646. Черниговскія губернскія вѣдомости, 1849, ноябрь—декабрь.

[2]) Величко, лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, прил. 6.

морѣ и когда польское правительство не хотѣло признавать оффиціально его за козацкаго гетмана. Когда же Сагайдачный впослѣдствіи показалъ свой военный геній и когда польское правительство почувствовало въ немъ большую нужду, Бородавка былъ отстраненъ отъ гетманства. Но затѣмъ, послѣ ложнаго слуха о гибели Сагайдачнаго въ стычкѣ съ турками, онъ вновь было назначенъ поляками въ гетманы. Въ томъ и другомъ случаѣ Бородавка долженъ былъ, однако, погибнуть, какъ ставленникъ Польши и какъ вождь, не стоявшій на стражѣ чисто народныхъ интересовъ всего южно-русскаго православнаго населенія.

Какъ бы то ни было, но прибывъ въ козацкій лагерь, гетманъ Сагайдачный принялъ начальство надъ козаками и поставилъ ихъ въ челѣ польскаго войска. По своему обыкновенію козаки сдѣлали таборъ и заключились въ обозы, обозы обвели канавами и укрѣпили валами и палями. Въ виду козацко-польскаго лагеря стояли турки съ самимъ султаномъ и великимъ визиремъ. Султанъ Османъ II хвалился „въ войскѣ запорожскомъ снѣдати“, а въ польскомъ обозѣ обѣдати [1]).

Первая схватка козаковъ и поляковъ съ мусульманами произошла 2-го сентября, еще до прибытія королевича Владислава въ лагерь. Но настоящій приступъ начался только 8 сентября. Турки и татары со всѣмъ пыломъ восточныхъ людей бросились на козацкій лагерь и начали его осаждать. Козаки, зная хорошо ихъ боевые пріемы, сразу не отвѣчали имъ и допустили ихъ приблизиться ко рву; послѣ чего, внезапно выскочивъ на валы, сразу дали сильный и мѣткій залпъ изъ своихъ мушкетовъ и отбросили непріятелей назадъ. Непріятели пустились обратно и тутъ, спотыкаясь и давя другъ друга, оставили въ ямахъ 3000 человѣкъ янычаръ и до 300 человѣкъ шпаговъ убитыми [2]).

---

[1]) Величко, Лѣтопись, 1848, I, прилож., 30.

[2]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе о М. Россіи, Москва, I, 38; Дисвинкъ-Титлевскаго, 13, 14.

Послѣ такого неожиданнаго успѣха козаки сами перешли въ наступленіе и немедленно ворвались въ турецкій обозъ, но овладѣть имъ вполнѣ не могли единственно потому, что коронный гетманъ Ходкевичъ не поддержалъ ихъ во время. Это чрезвычайно возмутило какъ самихъ козаковъ, такъ и ихъ предводителя, Сагайдачнаго, который, предводительствуя войскомъ, получилъ тяжелую рану. Отказъ въ подмогѣ со стороны Ходкевича произвелъ въ козацкомъ лагерѣ такое негодованіе, что козаки открыто подняли ропотъ. Тогда, по приказу королевича, назначены были депутаты для производства слѣдствія и успокоенія козаковъ. Въ числѣ депутатовъ былъ и названный выше каштелянъ краковскій, Янъ Собѣскій. Онъ обратился къ козакамъ съ горячею рѣчью убѣжденія, и они въ концѣ концовъ успокоились. Въ своемъ сочиненіи Яковъ Собѣскій впослѣдствіи отзывался о козакахъ и ихъ вождѣ Сагайдачномъ самымъ лестнымъ образомъ, считая ихъ храбрыми и непритязательными воинами.

Но едва улеглось волненіе въ козацкомъ лагерѣ, какъ и въ средѣ самихъ поляковъ произошло несчастье: спустя три дня послѣ окончанія ропота королевичъ Владиславъ и гетманъ Ходкевичъ заболѣли жестокой лихорадкой; но Владиславъ все же оправился, а Ходкевичъ тутъ же и скончался.

Между тѣмъ военныя дѣйствія вновь возобновились.

Между прочимъ въ числѣ воиновъ, бывшихъ въ козацко-польскомъ лагерѣ и сражавшихся противъ турокъ, былъ Петръ Могила, впослѣдствіи знаменитый кіевскій митрополитъ, родомъ изъ Молдавіи.

Война длилась пять недѣль и, несмотря на неравенство силъ противниковъ, все же первый запросилъ мира грозный Османъ II, хвалившійся искоренить все немусульманское въ Польшѣ.

Миръ былъ заключенъ 8 октября, 1621 года.

Поляки впослѣдствіи хвалились въ Европѣ хотинскою побѣдою; римскій папа даже приказалъ праздновать годов-

щину ея; но они были обязаны своей побѣдой козакамъ и ихъ геніальному вождю, гетману Петру Сагайдачному.

Послѣ заключенія мира устроено было свиданіе королевича Владислава съ султаномъ Османомъ II. Польское войско выстроилось на полѣ битвы на подобіе орла съ распростертыми крыльями; впереди его стоялъ Владиславъ въ порфирѣ. Турецкій султанъ вывелъ все свое войско на поле брани и, расположивъ его полумѣсяцемъ, сталъ также въ челѣ его.

Въ такомъ видѣ оба войска простояли другъ противъ друга около часу. Послѣ того султанъ послалъ въ подарокъ королевичу Владиславу огромнаго слона и великолѣпно убраннаго коня. Королевичъ Владиславъ съ своей стороны послалъ султану наряднаго коня и двѣ, отличной работы, пушки. Турки, по замѣчанію малороссійскаго лѣтописца Величка, наклоненіемъ вый и знаменъ простились съ польскимъ войскомъ; поляки наклоненіемъ головъ простились съ турками.

Проводивъ турокъ, королевичъ Владиславъ сперва отправилъ изъ обоза больныхъ и раненыхъ, а потомъ выступилъ изъ старыхъ окоповъ на свѣжее мѣсто и, по обыкновенію того времени, устроилъ пиръ.

Пируя въ польскомъ лагерѣ, королевичъ не забылъ и про козацкій, стоявшій отъ польскаго на одинъ выстрѣлъ изъ лука. Для козаковъ онъ отправилъ множество харчей, 25 бутъ волошскаго вина, 48 бочекъ меду, 24 куфы горилки; для самого гетмана отдѣльно — яства, сласти, 7 анталовъ лучшаго венгерскаго вина, одну бочку рейнскаго, 1 бутъ котнарскаго, погребецъ съ дюжиною золочено-серебряныхъ фляжекъ, наполненными разными лѣкарственными горилками.

Но гетманъ Сагайдачный не могъ предаваться шумнымъ радостямъ пира, такъ какъ лежалъ больной отъ полученныхъ ранъ во время сраженія. Тогда Владиславъ послалъ ему палатку кармазиннаго сукна, подшитую зеленою венецейною адамашкою.

Пиръ продолжался 8 дней. По окончаніи пира, 21 октября, ударили въ котлы, и войска стали собираться къ возвращенію въ Польшу.

Передъ выступленіемъ изъ лагеря Владиславъ, полюбившій козаковъ, прибылъ въ ихъ станъ проститься съ ними и съ гетманомъ.

Гетманъ попрежнему лежалъ больной. Когда королевичъ вошелъ къ нему, то его приподняли и поставили на ноги. Тогда Владиславъ возложилъ на него щирозлотный канакъ на фіолетовой лентѣ, съ одной стороны съ королевскимъ портретомъ, отборными рубинами усаженнымъ, съ другой съ гербованымъ одноглавымъ орломъ, найдорогими сапфирами обложеннымъ. Потомъ, увидавъ пароконную простую кибитку, вымощенную сѣномъ и подушками и прикрытую коберцами и догадавшись, что она приготовлена для больного гетмана, велѣлъ, взамѣнъ ея, привезти свою лектичку съ балдахиномъ, изъ зеленаго, съ золотыми цвѣточками, табину, запряженную парою легкихъ коней въ позолоченныхъ шорахъ. Ко всему этому прислалъ еще для леченія больного собственнаго доктора, француза [1]).

Въ тотъ день, когда королевичъ Владиславъ выступилъ изъ лагеря, выступилъ и гетманъ.

Передъ выступленіемъ изъ лагеря гетманъ оставилъ 5000 человѣкъ козаковъ для сторожи на всякій случай.

Передъ заговѣнами на Филипповъ постъ Сагайдачный прибылъ въ Кіевъ, гдѣ его встрѣтила жена Анастасія, урожденная Повченская.

По возвращеніи Сагайдачнаго изъ похода въ Кіевъ король Сигизмундъ III прислалъ для войска запорожскаго и самого гетмана хоругвь, булаву въ 3000 талеровъ, 400,000 битыхъ талеровъ [2]) на 50,000 всей войсковой черни, какъ бывшей подъ Хотиномъ, такъ и находившейся на Евкеннскомъ понтѣ съ Михайломъ Хмельницкимъ; отдѣльно

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, т. I, прил. 33—36.
[2]) Битый талеръ равняется 1 серебряному рублю.

гетману и старшинѣ 4000 червонцевъ, особо гетману золотую цѣпь въ 500 талеровъ [1]) и наконецъ всѣмъ вмѣстѣ— и войску, и старшинѣ и гетману — королевскую грамоту, подписанную 12 числомъ января, 1622 года, въ г. Краковѣ.

„Мы, довольные вашею преданностью и усердіемъ къ намъ и ко всей коронѣ польской, которыя вы показали военными подвигами вашими подъ Хотиномъ, изъявляемъ вамъ и всему войску вашему запорожскому милость нашу и признательность, которую во всѣхъ потребностяхъ и нуждахъ войска охотно оказывать обѣщаемъ; и сколько оказалъ вамъ нѣкогда милости и расположенія славный предшественникъ нашъ найяснѣйшій Стефанъ Баторій, король польскій, умноженіемъ правъ и вольностей вашихъ, мы не отрицаемся даровать вамъ противъ того вдесятеро, чего только пожелаете отъ нашей милости“.

Въ отвѣтъ на эту грамоту гетманъ отвѣтилъ королю такимъ листомъ:

„А любо зъ стороны высокодумныхъ ихъ милостей пановъ коронныхъ Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ на Украйнѣ, властной, предковѣчной отчизнѣ нашой, власть свою неслушне распростираючихъ, повиваютъ на насъ, войско запорожское, холодныи и непріязненныи вѣтри, хотящи славу нашу въ перстъ вселити, и насъ, братію свою, въ подданство и ярмо работническое себѣ безбожне наклонити. И не такъ намъ жалостно есть на пановъ пречечоныхъ, якъ на ихъ старостокъ, нецнотливыхъ сыновъ и пьяницъ, которыи ни Бога боятся, ни премощныхъ вашого найяснѣйшого величества монаршихъ мандатовъ слухаютъ: бо скоро я, гетманъ, на хотинскую военную службу зъ козаками зъ Украйны выйшолъ, тогда они, старостки, заразъ козачокъ бѣдныхъ зачали на всякіе работизни, безъ жадного обзору и призрѣнія, часто выгонити, бити и вязенями неслухаючихъ мордовати, що тяжко и жалостно козакамъ зъ службы вашой монар-

1) Простой талеръ равняется 60 копѣйкамъ.

шой, военной зъ ранами, неугоенными и червей полными, повернувшимъ, было отъ женъ и матерей своихъ слышати и слезы изъ очесъ ихъ точащіяся видѣти".

Вслѣдъ за первымъ письмомъ Сагайдачный отправилъ, черезъ придворнаго лѣкаря, второе письмо королю. Въ немъ гетманъ горячо просилъ короля избавить Украйну отъ тѣхъ бѣдствій, которыя она терпитъ отъ уніи и насилія со стороны пановъ польскихъ.

„Панъ докторъ вашего найяснѣйшаго королевскаго в-а, будучи при мнѣ въ Кіевѣ черезъ часъ немалый, яко присмотрѣлся добре безпрестаннымъ многихъ козаковъ отъ пановъ польскихъ и ихъ старостокъ разными способами оскорбленныхъ и бѣдствуемыхъ сквиркамъ, плачамъ и опеляціямъ, до мене заношеннымъ; такъ о всемъ томъ можетъ ретелне словесно донести вашому величеству, если ваше в-во рачитъ его о томъ спытати и милостиво послухати. А я, монаршіе вашого кор-го вел-а нозѣ смиренно обнявши покорне и слезно прошу, дабы тое козакамъ творимое бѣдствіе и озлобленіе, превысокимъ вашого найяс-го вел-а мандатамъ, было запрещено и ускромлено. Особливе унѣя, за милостивымъ вашого найяс-го кор-го вел-ва позволенемъ, теперъ зъ Русѣ чрезъ святѣйшого Феофана, патріарху іерусалимскаго, знесеная, абы впредь въ тойже Русѣ никогда не отновлялся и своихъ роговъ не возносила. Маютъ, або вѣмь, отци езуити и все духовенство костела римского (и безъ насъ православныхъ) кого до унѣи своеи наворочати и присвояти, тыхъ народовъ, которыи отнюдь не вѣдаютъ и не вѣрятъ Христа Господа, плотію въ міръ пришедшого. А мы, православныи, древнихъ святыхъ апостольскихъ и отческихъ преданій и догматовъ безъ жадноі унѣи и схизмы придержащася, не отчаваемся нашого спасенія и блаженного живота вѣчного" [1]).

Хотинскимъ походомъ гетманъ Сагайдачный закончилъ свое военное поприще.

---

[1]) С. Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1842, I, прилож. 38—49.

Послѣдніе 5 мѣсяцевъ жизни онъ посвятилъ внутреннимъ дѣламъ Украйны.

Онъ обратилъ вниманіе на Кіевское богоявленское братство; внесъ нѣсколько тысячъ на обновленіе Богоявленнаго монастыря и на содержаніе его школы, чѣмъ подалъ поводъ малорусскимъ лѣтописцамъ называть его ктиторомъ братскаго монастыря. Кромѣ того записался съ войскомъ запорожскимъ въ члены братства, что заставило историка Энгеля выдумать, будто бы Сагайдачный подъ конецъ жизни постригся въ монахи, и повторить эту выдумку историку Малой Россіи Бантышъ-Каменскому.

Независимо отъ этого гетманъ Сагайдачный въ это же время обновилъ нѣкоторыя церкви, воздвигъ новую церковь при Фроловскомъ монастырѣ, въ Кіевѣ; послалъ 15000 золотыхъ червонцевъ на школу братства во Львовѣ; оставилъ денежные вклады въ разные другіе монастыри, церкви, школы на Украйнѣ.

Послѣ всего этого онъ распорядился личными дѣлами и назначилъ опекунами своего имущества и „повинными своими", митрополита Іова и преемника въ гетманствѣ Олифера Остаповича Голуба.

О времени кончины Сагайдачнаго говорятъ различно. Червонорусская лѣтопись сообщаетъ, что, Сагайдачнаго застрѣлили въ 1620 г. подъ Хотиномъ турки, а тѣло его похоронили въ Кіевѣ. Изслѣдователь Эвецкій (въ журналѣ „Телескопъ") принимаетъ это извѣстіе и говорить, что лучше мы застрѣлимъ Сагайдачнаго, нежели отдадимъ его монастырю, и тоже считаетъ годомъ смерти его 1612 годъ. Митрополитъ Евгеній въ своемъ сочиненіи „Краткое свѣдѣніе о началѣ Кіевской духовной академіи" заставляетъ жить Сагайдачнаго до 1629 года.

Въ дѣйствительности Сагайдачный скончался *10 апрѣля, 1622 года*, на проводной недѣлѣ.

Подлинное извѣстіе о смерти Сагайдачнаго находимъ въ помянникѣ Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго мона-

стыря, писанномъ киноварью и напечатанномъ впервые проф. Максимовичемъ:

„Року 1622, апрѣля 10 дня благочестивый мужъ, панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, войска его кр. мл. запорозкого, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитязствахъ, на ложи своемъ простеръ нози свои, приложися къ отцемъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыне, въ Кіеве. Погребенъ при церкве школы Славенское, въ мѣсте на Подолѣ, честно, въ дому братства церковного“.

Но и проф. Максимовичъ, печатая поминальную запись Сагайдачнаго, сдѣлалъ нѣкоторые ошибки и пропуски. Конецъ записи у него таковъ: „Помяни Господи души рабъ своихъ Петра, Конона, Елисея, Якова, Германа“.

Въ 1900 году эту-же запись вновь просмотрѣлъ галицкій ученый Щуровскій и напечаталъ ее точнѣе въ галиційскомъ журналѣ „Записки наукового товариства імени Шевченка“ (XXXIII, Miscellanea, 1—2).

По передачѣ Щуровскаго поминальная запись оканчивается иначе, нежели она была напечатана у Максимовича. „Помяни Господи рабъ своихъ Петра, Конона, Елисея (съ боку приписано: Козновскаго) Якова гетмана (съ боку приписано: Бородавка Не родичъ“).

Такимъ образомъ у Максимовича всѣ приписки пропущены и слово „гетманъ“ переиначенъ въ „Германъ“, изъ чего можно заключить, что этотъ ученый, всегда точный до педантизма, вѣроятно, лично не читалъ этой записи и получилъ ее со вторыхъ рукъ.

Кому-же принадлежатъ имена, упоминаемыя въ концѣ записи?

Петръ—это, очевидно, самъ гетманъ, Петръ Сагайдачный; Кононъ—его отецъ, Елисей Козновскій, по объясненію Щуровскаго, отецъ Анастасіи, жены Петра Сагайдачнаго, но этому противорѣчатъ вирши на смерть Петра Сагайдачнаго, изъ которыхъ видно, что жена его была изъ рода Повченскихъ; далѣе, Яковъ гетманъ, это гетманъ

Бородавка, казненный Сагайдачнымъ. Очевидно, убійство Бородавки Сагайдачнымъ заставило послѣдняго чувствовать нѣкоторую моральную связь съ нимъ, записать его въ свой собственный помянникъ и молиться за него“ [1]).

Въ послѣднее время ту же запись синодика читалъ извѣстный кіевскій ученый И. М. Каманинъ, который вполнѣ удостовѣрилъ точность записи, напечатанной Щуровскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ и отъ себя весьма цѣнное замѣчаніе. Читая слова „Бородавка неродичъ“, онъ толкуетъ это не въ томъ смыслѣ, что Бородавка не былъ „родичемъ“ Сагайдачному, а въ томъ, что Бородавка носилъ двойную фамилію „Бородавка-Неродичъ“. А что оно такъ, это видно изъ „Listow“ польскаго гетмана Жолкевскаго, въ которыхъ гетманъ Бородавка дѣйствительно именуется Яцкомъ Неродовичемъ Бородавкою [2]).

Какъ бы то ни было, но указаніе, приведенное у Максимовича, Щуровскаго и Каманина, одинаково говоритъ, что знаменитый гетманъ скончался въ 1622 году, 10 апрѣля, въ Кіевѣ.

Эти указанія подтверждаются также указаніемъ стиховъ или „Вѣршъ на жалостный погрѣбъ зацного рыцаря Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска его кр. млети запорозкого, зложенныхъ презъ инока Касіана Саковича ректора школъ кіевскихъ въ брацтвѣ. Мовленныхъ отъ его спудеовъ на погрѣбѣ того цного Рыцера въ Кіевѣ, въ недѣлю Проводную, року божого тисяча шестсотъ двадцать второго въ ц°р Г. Не вѣсте ли, яко властелинъ великъ паде въ сій день въ Іизраили“.

Часть этихъ „вѣршъ“ также была вырѣзана на надгробномъ камнѣ Сагайдачнаго.

Тутъ зложилъ Запорозкій Гетманъ свои кости,
Петръ Конашевичъ, раниный въ войнѣ: для волности
Отчизны, кды нань Турцы моцно натирали

[1]) Кіевская Старина, 1900, іюнь, 139.
[2]) Listy St. Zolkiewskiego Krakow, 1868, 146.

И пострѣловъ смертелныхъ килка му задали:
Которыми зранный, живота доконалъ.
Вѣры Богу и Кролю и Войску доховалъ.
И умеръ бороначи мира ой чистого:
За што узычъ му, Творче, неба вѣчистого,
Якъ ревнителю вѣры благочестивои,
Въ которой былъ выхованъ зъ молодости свои.
Року тысеча шестьсотъ двадесятъ второго,
Погребенъ въ монастыри Братцтва кіевского,
На который тисячій килка офѣровалъ,
Ажъ бы тамъ науки фундовано, жадалъ".

„Вѣрши" эти произнесены были 20-ю спудеами надъ прахомъ Сагайдачнаго и въ томъ же 1622 году напечатаны Саковичемъ въ типографіи Кіево-Печерской лавры вмѣстѣ съ тремя рисунками: герба войска запорожскаго, портрета гетмана на конѣ и взятія имъ города Кафы въ Крыму.

До насъ дошло только два экземпляра этой книжки— въ Императорской публичной библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ, неполный экземпляръ, и въ Румянцевской библіотекѣ, въ Москвѣ, полный.

Рисунки „вѣршъ" вновь были перепечатаны проф. Максимовичемъ въ журналѣ „Кіевлянинъ" [1]), а также извѣстнымъ издателемъ гравюръ и рисунковъ Ровинскимъ и проф. Антоновичемъ въ трудѣ „Историческіе дѣятели юго-западной Россіи", но не сполна, и кіевскимъ ученымъ И. М. Каманинымъ.

Всѣхъ „вѣршъ" напечатано было Саковичемъ 20. Въ началѣ книги сдѣлано посвященіе „Предмова зацнесильному войску Его к: млети запорозкому", въ концѣ сдѣлана приписка „Матерія для учиненія подякованя при погрѣбѣ якого зацного чловека", а въ срединѣ помѣщены самыя „вѣрши".

Предмова до „вѣршъ" была перепечатана извѣстнымъ изслѣдователемъ малороссійской старины Лазаревскимъ въ его очень рѣдкой книжкѣ „Указатель источни-

[1]) (Москва, 1850, кн. III, стр. 120, 151, 152).

ковъ для изученія малороссійскаго края“ (СПБ, 1858, 117); часть самыхъ „вѣршъ“ перепечатана въ „Кіевлянинѣ“ и въ „Собраніи сочиненій“ проф. Максимовича (I, 380).

Что касается самой могилы гетмана Сагайдачнаго, то искать ее было бы напрасно: при перестройкѣ Богоявленской церкви кіевскаго братства въ XVIII в. она пришлась подъ помѣщеніе стѣны храма и навсегда исчезла отъ взоровъ потомства [1]).

Отъ времени Сагайдачнаго дошла до насъ еще извѣстная пѣсня:

Гей, на гори та женци жнуть,
А по-пидъ горою, по-пидъ зеленою
Козакы йдуть, козакы йдуть.
Попереду Дорошенко,
Веде свое військо, військо запоризьке,
Хорошенько, хорошенько.
По середыни панъ хорунжый,
Пидъ нымъ коныченько,
Пидъ нымъ вороненькій,
Сыльне дужый, сыльне дужый.
А позаду Сагайдачный,
Що проминявъ жинку
На тютюнъ та люльку,
Необачный, необачный.
Гей, хто въ лиси, озовыся,
Хто за лисомъ одклыкныся,
Та выкрышымъ вогню
Та покурымъ люлькы,
Не журыся, не журыся.

По толкованію проф. Максимовича, упоминаемый въ этой пѣснѣ Сагайдачный не есть гетманъ Петръ Сагайдачный, а есть кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный, современникъ и сподвижникъ гетмана Петра Дорошенка. Соображенія Максимовича таковы: Въ пѣснѣ Сагайдачный

[1]) Антоновичъ и Бецъ, Историческіе дѣятели, Кіевъ, 1885, 7.

представленъ идущимъ „позаду" всѣхъ. Если бы говорилось о гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ, то онъ долженъ идти впереди войска, какъ это дѣйствительно и представляется въ другихъ пѣсняхъ, гдѣ впереди войска выступаетъ всегда гетманъ или же, за его отсутствіемъ, полковникъ, за отсутствіемъ полковника сотникъ, какъ напр. въ думѣ о Богданѣ Хмельницкомъ, Сомкѣ, Харькѣ и проч. Очевидно, это не гетманъ Сагайдачный, а другой кто-то съ такой же фамиліей. Далѣе, въ пѣснѣ сказано, что Сагайдачный промѣнялъ свою жинку на тютюнъ та люльку. Нельзя сказать и этого о гетманѣ Сагайдачномъ, такъ какъ онъ всегда заботился о своей женѣ и не думалъ мѣнять ее на тютюнъ та люльку. Это могъ сдѣлать истый запорожецъ, порвавшій всякую связь съ семьей и ушедшій въ Сѣчь. Наконецъ, въ пѣснѣ упоминается впереди войска Дорошенко,—очевидно это знаменитый гетманъ Петръ Дорошенко, а при этомъ гетманѣ былъ кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный, къ которому пѣсня всецѣло и подходитъ.

Такъ объясняетъ значеніе пѣсни проф. Максимовичъ, относя ее къ кошевому атаману Григорію Сагайдачному, а не къ гетману Петру Сагайдачному. Иначе объясняетъ ее И. М. Каманинъ: онъ относитъ ее именно къ гетману Петру Конашевичу Сагайдачному и толкуетъ слѣдующимъ образомъ. Прежде всего подъ Дорошенкомъ онъ разумѣетъ не Петра Дорошенка, а Михайла, который былъ при гетманѣ Сагайдачномъ и который, какъ мы видѣли, дѣйствительно былъ „попереду" Сагайдачнаго передъ походомъ подъ Хотинъ, когда самъ гетманъ былъ задержанъ въ Варшавѣ, а съ козацкимъ войскомъ выступилъ Михайло Дорошенко. Далѣе, и эти слова пѣсни—„проминявъ жинку на тютюнъ та люльку"—относятся также не къ кому иному, какъ къ Петру Сагайдачному. Отношенія между Петромъ Сагайдачнымъ и его женой Анастасіей Повченской были загадочны. Сагайдачный былъ постоянно на войнѣ и потому постоянно оставлялъ свою жену. Малороссійскій лѣтописецъ Величко прямо говоритъ, что Сагайдачный передъ

смертью „распорядилъ имѣніе свое на церкви, на шпиталѣ, на школи и монастырѣ, кромѣ жены своей“ [1]). Послѣ своего мужа Анастасія недолго вдовствовала и уже въ 1624 году была замужемъ за шляхтичемъ Иваномъ Піончиномъ. Въ книгѣ коронной метрики, хранящейся въ г. Варшавѣ, подъ 31 числомъ іюля мѣсяца, 1624 года, записанъ документъ, изъ котораго видно, что Анастасія Сагайдачная совершила наѣздъ на имѣніе пана Ѳедора Даровскаго, село Вырву, произвела тамъ насиліе и причинила убытку на 7087 злотыхъ. Кіевскій судъ призналъ ее виновной и вслѣдствіе уклоненія отъ суда приговорилъ къ баниціи. Со всего этого можно заключить, что едва ли гетманъ Сагайдачный былъ счастливъ семейно, и едва ли жена столь дорога ему была, чтобы онъ не рѣшился промѣнять ее на „тютюнъ та люльку“. Наконецъ, пѣсня оканчивается словами „Гей, хто въ лиси— озовыся, хто за лисомъ—одклыкныся“—это уже прямой намекъ на то обстоятельство, когда гетманъ Петро Конашевичъ Сагайдачный, выступая въ походъ подъ Хотинъ, противъ турокъ, попалъ случайно въ лѣсъ, какъ тамъ блукалъ и, очевидно, искалъ спасенія и отклика на его зовъ со стороны козаковъ.

Гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный — это одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, на которой отдыхаетъ взоръ историка и образъ котораго навсегда сохраняется въ народной памяти.

Сагайдачный былъ человѣкъ обширнаго ума, ясно понимавшій главныя задачи политической, экономической, религіозной, образовательной и сословной жизни своей эпохи и не только у себя дома, на Украйнѣ, но и въ близкихъ къ ней государствахъ.

Кромѣ того онъ былъ человѣкъ съ большимъ дипломатическимъ тактомъ, благодаря которому, не обнажая своего меча, сумѣлъ достигнуть такихъ результатовъ у поляковъ для блага своего народа, о какихъ ни одинъ южно-

[1]) С. Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, прилож. 50.

русскій гетманъ ни до него, ни послѣ него не смѣлъ и мечтать.

Владѣя прекрасно саблею, Сагайдачный одинаково хорошо владѣлъ и перомъ, и потому боролся на обѣ стороны съ врагами своей отчизны, какъ боролся въ новые вѣка знаменитый Веніаминъ Франклинъ за свободу собственной родины, Сѣверной Америки.

Результаты всесторонней борьбы Сагайдачнаго были очень велики.

Онъ расширилъ козацкую территорію и увеличилъ количество козацкаго войска до необыкновенныхъ дотолѣ размѣровъ.

Онъ сдѣлалъ козацкое дѣло изъ сословнаго общенароднымъ, т. е. сдѣлалъ то, что съ его времени козачество обнажило свой мечъ и страшно засверкало имъ на всѣ на четыре стороны свѣта, выступая на враговъ не только за свои личныя права, а и за права всего угнетеннаго южно-русскаго народа.

Далѣе, онъ положилъ прочное основаніе для дальнѣйшаго существованія южно-русскаго козачества и вмѣстѣ съ этимъ начерталъ программу для дальнѣйшихъ дѣйствій его. Въ этомъ отношеніи гетманъ Богданъ Хмельницкій только продолжалъ дѣло Сагайдачнаго, хотя и не имѣлъ у себя того замѣчательнаго такта, какимъ отличался Сагайдачный.

Выступая на борьбу съ ляхами, турками и татарами за предковскую вѣру и за права южно-русскаго народа, Сагайдачный сталъ дѣйствовать въ то время, когда высшее южнорусское сословіе, панство, соблазненное польскою роскошью, окатоличилось и ополячилось, бросило на произволъ судьбы свой несчастный народъ, или же стремилось и его сдѣлать отступникомъ отъ вѣры и крови отцовъ.

За время своихъ вторженій въ область Крыма и Турціи Сагайдачный вызволилъ изъ тяжкой турецкой неволи неисчислимое число плѣнныхъ христіанъ, не только людей православной вѣры, но также и другихъ вѣръ, чѣмъ осушилъ слезы многимъ матерямъ, сестрамъ, дѣдамъ и отцамъ,

родственники которыхъ томились цѣлые годы въ проклятой неволѣ бусурманъ.

Сагайдачный любилъ и говорилъ на своемъ родномъ, украинскомъ языкѣ, но зналъ и уважалъ и другіе славянскіе языки, чему служатъ доказательствомъ многія письма, оставшіяся послѣ него.

Особенно заботился Сагайдачный о народномъ образованіи и объ устройствѣ народныхъ школъ, для чего не щадилъ ни времени, ни труда, ни средствъ, давая и будущему поколѣнію въ этомъ отношеніи живой и безсмертный примѣръ.

Не оставилъ Сагайдачный также безъ вниманія и тѣхъ, кто проливалъ за вѣру, отчизну и народъ свою кровь и черезъ то подъ конецъ дѣлался неспособнымъ къ труду: для такихъ онъ оставилъ шпитали и денежные вклады для жизни до кончины ихъ дней.

По всему этому личность Сагайдачнаго незаурядная, выдающаяся, великая личность въ южно-русской исторіи. Это гигантъ, изъ всѣхъ гетмановъ наиболѣе достойный славнаго народнаго монумента. Но если ему нѣтъ до сихъ поръ такого монумента, то пусть его великій образъ и его великіе подвиги вѣчно живутъ въ сердцахъ тѣхъ, кому дорога отечественная исторія, кому дорогъ родной народъ, кому дорогъ его языкъ, кому дорога его вѣра и кому дорога ненька Украіна, весь рідний козако-руський край... Хай слава ёго не вмре, не поляже, лицарство ёго всёму світу розскаже...

Д. И. Эварницкій.